

№2

Февраль 2012

Тусский клуб

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

*В Тбилиси –
морозы*

КОНКУРС МОЛОДЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЭТОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

С 19 по 22 февраля в Тбилиси пройдет завершающая часть Конкурса молодых русскоязычных поэтов Закавказья.

В столицу Грузии придут лауреаты из Азербайджана и Армении в сопровождении кураторов конкурса – поэтов Алины Талыбовой и Сурена Петросяна.

В Тбилиси конкурсантов ожидает встреча с грузинскими лауреатами и их куратором – поэтом Владимиром Саришвили, а также с председателем жюри конкурса, поэтом, переводчиком, драматургом Еленой Исаевой (Россия).

Молодые поэты совершат экскурсионную поездку по Тбилиси и его окрестностям, посетят Мцхета и Джвари. Елена Исаева проведет для участников конкурса и членов тбилисского молодежного литературного объединения «Молот ОК» творческий мастер-класс.

21 февраля конкурсанты будут приглашены в Театр им. Грибоедова на музыкальный вечер, посвященный творчеству композитора Андрея Петрова.

Торжественная церемония награждения лауреатов и презентация поэтического сборника, изданного по материалам конкурса, состоится 20 февраля в Большом зале Театра имени А.С.Грибоедова. Участниками праздничного вечера поэзии станут ведущие литераторы Грузии.

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ,
Алла БЕЖЕНЦЕВА,
Донара КАНДЕЛАКИ,
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гогі КАВТАРАДЗЕ
Гига ЛОРДКИПАНИДЗЕ
Отар МЕГВИНЕТУХУЦЕСИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джанеуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Евгений ТАБАЧНИКОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№2⁽⁷⁶⁾
Февраль 2012

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ЗЛАТАЯ НИТЬ ЗЛАТЫ
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 9 ЧЕЛОВЕК ИЗ МЕНЬШИНСТВА
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 12 ТОСКА ПО БУДУЩЕМУ
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 16 «НЕ ХОТЕЛ КОМАНДОВАТЬ ГРАБИТЕЛЯМИ...»
ЕВГЕНИЙ ЖИРНОВ
- 22 НЕ ЗАБЫВАЯ РОДА СВОЕГО
МЕДЕЯ АБАШИДЗЕ
- 27 «ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 32 ОНИ ЖИЛИ БАСКЕТБОЛОМ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 36 ГРУЗИНСКИЕ ВЕРСИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 39 ВДОХНОВЕНИЕ НРАВСТВЕННО
НИКОЛАЙ САВОСТИН
- 41 ПАСПОРТ ЕГО МУЗЫКИ
МАРИЯ КИРАКОСОВА
- 44 ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА – ЭТО ДИАЛОГ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 46 БЕНЕФИС
ЮЛИЯ СИВЕРСКАЯ
- 47 НА АЛЫХ ПАРУСАХ
НИНО ДЖАВАХЕЛИ
- 50 ГОФМАН ГРУЗИНСКИХ ДВОРОВ
КАТЯ ЦИБЕР
- 52 ИПОСТАСИ ФЕНОМЕНА
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
- 54 ВЕЧНОСТЬ ЕГО ПОВЕЛА

На обложке – фото Александра Сватикова

ОТ ДО

ДЕНЬ СУРКА

С древних времен люди заметили, что наблюдать за поведением зверюшек весьма интересно. Можно не только улыбаться проделкам братьев наших меньших, но даже гадать. Вот, скажем, по птицам гадали в древнем Риме, по рыбам – в Месопотамии, не говоря уже о древних халдеях и египтянах. Как осуществляется предсказание? Выбирается животное, которое впадает в спячку, его безжалостно будят 2 февраля и наблюдают за реакцией: если он увидел свою тень, испугался и полез в норку, то зима продлится еще шесть недель. Если же он шурится на пасмурную погоду, то зимы больше не будет. Самый знаменитый из сурков современности, конечно же, Фил, проживающий в маленьком городке Панкссотони, в Пенсильвании. Начиная с 1887 года в День Сурка торжественно проводятся фестивали, на которые съезжаются тысячи гостей. Гремят оркестры, в воздух взлетают воздушные шары, и все страшно радуются. Кроме бедного сурка, разбуженного всем этим шумом.

ШПАГИ НАГОЛО, ДВОРЯНЕ!

5 февраля 1626 года великий кардинал Ришелье в очень хорошем настроении вышел из кабинета своего подопечного, короля Людовика XIII. Он добился от слабаволь-

ного монарха эдикта о запрещении дуэлей. Впрочем, об этом мы читали в бессмертном романе «Три мушкетера». Литература литературой, но в жизни было почти так же, как и в романе – дуэльная «чума» продолжалась с той же яростью. Надо сказать, что кардинал не был пионером в вопросе борьбы с этой дворянской блажью. Еще отец правившего монарха, великий король Генрих IV, как минимум, дважды выпускал подобные эдикты, а после и мамаша-регентша Мария Медичи делала то же. Но дворян было не обуздать. Они были согласны на любые репрессии, любые опалы, конфискации и даже на плаху, лишь бы им оставили право на честь. Потому что «душу – Богу, руку – королю, сердце – даме, а честь – никому». Ришелье же строил вертикаль власти и был против этого принципиального пункта. Кардинально этот эдикт ничего не исправил, хотя положение улучшил: в среднем, дуэлей в Париже стало в год не 850, а 300. То есть, рубились все-таки почти каждый день. Общественное мнение оставалось на стороне дуэлянтов, которым симпатизировали и сильные мира сего: король, как мы помним – мушкетерам, а кардинал – гвардейцам. Победителю дуэли нужно было лишь скрыться с места происшествия и спрятаться на пару недель. Кардинал обещал казни, но за 50 лет было казнено только трое, из которых один ухитрился принять участие в 127 дуэлях, отправив на тот свет не менее 40 соперников и покалечив вдвое больше. То есть, по всем юридическим и моральным аспектам, душегубом он был первостатейным. Окончательно с дуэлями покончил только Король-Солнце Людовик XIV, и сделал это безо всяких репрессий – участники дуэлей безжалостно изгонялись от двора, что было гораздо страшней и унижительней, чем Бастилия или плаха Гревской площади.

ДА, ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЕВА! ВИВАТ!

425 лет назад в мрачном замке Фотерингей была казнена знаменитая королева Шотландии Мария Стюарт. Ей было всего 44 года, из которых восемнадцать она провела в заключении. То есть, за первую четверть века своей жизни она ухитрилась побывать королевой Шотландии, Франции, снова королевой Шотландии и даже претенденткой на английский престол. Она пережила трех мужей, из которых второй, как подозревали, покинул свет не без ее участия, была участницей многих политических интриг и нескольких заговоров против великой

английской королевы Елизаветы I, приходившейся ей двоюродной теткой. Мария Стюарт была очень хороша собой, любила балы, танцы и была любимицей французов и шотландцев. Последним, впрочем, это не помешало отстранить эту порхающую бабочку от власти, потому что танцы – танцами, а политика – политикой. В какой-то момент Мария попросту перестала понимать разницу между салонными играми и играми престолов, а это всегда заканчивается плохо. Ее трагическая судьба обогатила мировую литературу – существует несколько десятков книг и столько же кинофильмов о ее бурной жизни.

ЖЕРТВА 37-ГО ГОДА

175 лет назад государь-император Николай Павлович своей рукой написал распоряжение в несколько пунктов, среди которых были «заплатить долги», «заложное имение очистить от долга», «вдове пенсия», «сыновей в пажи», «сочинения издать на казенный счет в пользу вдовы и детей», «единовременно 10 000 рублей». За несколько

минут до этого Николай I узнал, что скончался Александр Сергеевич Пушкин. В советской историографии царя называли «душителем» поэта, а на деле он симпатизировал ему и пытался всячески защищать. Но Пушкин был самолюбив, независим и горд и не сносил оскорблений. Его дуэль с Дантесом 8 февраля 1837 года на Черной речке закончилась смертельной раной. Он умер в полном сознании на руках у жены и друзей, а под окном вдоль набережной Мойки с обеих сторон стояли толпы людей, жгли костры и с тревогой всматривались в зашторенные окна, ожидая роковую новость. Василий Иванович Жуковский вышел на улицу, снял шапку, и всем все стало ясно. Горе было поистине всенародным. Чтобы не допустить беспорядков, великого поэта хоронили поспешно и без излишнего шума. Он и при жизни был популярен, но после смерти его слава поднялась на заоблачную высоту, и теперь ту эпоху все последующие поколения называют не иначе, как «пушкинской». Первое столетие со дня смерти Пушкина отмечали очень широко в Советской России. Выпустили академическое многотомное издание, поставили множество памятников, открыли музеи. Но дело-то происходило в страшном 37-м, в год большого террора или сталинских репрессий. Вот и москвичи, по ассоциации с собственной судьбой, называли Пушкина «жертвой тридцать седьмого года»... Тысяча восемьсот тридцать седьмого.

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ ...

Ровно 150 лет назад 15 февраля 1862 года родился знаменитый российский предприниматель и меценат Савва Тимофеевич Морозов. Его прадедом был крепостной,

а дед и отец – купцы I-ой гильдии. Савва, получивший прекрасное техническое образование, стал владельцем «ситцевой империи» – то есть, целой сети ткацких фабрик. Надо сказать, что его многочисленная родня – а семьи староверов большие – очень скептически относилась к его руководству. Зато рабочие на него буквально молились. Морозов оснащал фабрики наисовременнейшим оборудованием и создавал на них человеческие условия для сотрудников – строил им дома, больницы, школы, детские сады. А еще он был очень деятельным меценатом. На его гранты обучались за границей молодые талантливые выходцы из бедных семей. Он помогал худож-

никам, вместе со Станиславским построил МХАТ, содержал физическую лабораторию в Московском университете. Но на свою беду, он увлекся идеями социального переустройства мира, познакомился с революционерами-марксистами и стал добровольным социал-демократом. С ним дружили и Леонид Красин, и Николай Бауман, и прочие революционеры-подпольщики. На свои деньги он содержал газету «Искра», которая, кстати, призывала к забастовкам на его же заводах и фабриках. Этот блестящий и широкий русский человек закончил свою жизнь очень грустно – он застрелился в отеле в Ницце в 1905 году... или был застрелен. Ходила легенда, что рядом с ним нашли записку: «Долг платежом. Красин».

ДАВИД СТРОИТЕЛЬ, ИЛИ ЧЕЛОВЕК НА СВОЕМ МЕСТЕ

Воистину, в истории далеко не каждой уважающей себя страны случается такой правитель, которого можно назвать «человек на своем месте» – Грузии в этом повезло. В конце 11 века на престол вступил царь Давид IV Агмашенебели – Строитель. Досталось ему совершенно разоренная земля – западная часть страны почти отделилась, восточная была разграблена завоева-

телями, люди бросали насиженные места и убежали в горы. Разлад был и в финансах, и в хозяйстве, и в законах, и даже в делах церковных. Но Давид, «засучив рукава», взялся за обустройство вверенного ему Господом царства. И справился с этим блестяще!

Во-первых, он ловко использовал политическую обстановку в тогдашнем мире. Турки-сельджуки, прошедшие лесным огнем «по городам и странам», завязли на Ближнем Востоке. Туркам было не до Грузии – крестоносцы в 1099 году штурмом взяли Иерусалим, основав новое христианское королевство Левант.

Во-вторых, царь Давид быстро и решительно «разобрался» с раскольниками в стране и церкви. Он привел к управлению страной дельных людей, в частности, своего пожилого наставника епископа Георгия Мцигнобартухуцеси, исполнявшего при нем роль первого министра. Царь создал своеобразную полицию, в том числе и тайную – со своей разведкой и контрразведкой.

В-третьих, усмирил воинственных соседей-осетин и ширванцев, привлекая в страну на постоянное жительство множество половцев, из которых создал регулярную армию. Он обязал каждую из сорока тысяч семей выставлять одного всадника.

Давида прозвали Строителем, потому что он строил города и крепости, церкви и дороги. При нем страна разбогатела и расцвела. А когда турки спохватились, было уже поздно. Пятидесятитысячная армия под командованием самого султана Махмуда Газневи остановилась в нерешительности при виде ровно построенных для боя прекрасного обученного и, говоря современным языком, экипированного войска грузин. Пришлось завоевателям договариваться со своими бывшими данниками «миром».

Святой Давид принял раздробленное, лоскутное царство, а оставил после себя, опять же говоря современным языком, серьезную «региональную державу».

Роб АВАДЯЕВ

ЗЛАТАЯ НИТЬ ЗЛАТЫ

■ Злата Коцич – поэт, переводчик, литературовед. Родилась в восточной Сербии. Окончила филологический факультет Белградского университета. В качестве филолога совершенствовалась в Москве и Ростове Великом. Член Союза писателей Сербии, Союза переводчиков Сербии, Сербского литературного общества. Лауреат многих литературных премий. Участница международных поэтических фестивалей. Автор книг стихов и переводов, а также исследований по истории литературы.

Злата Коцич – то нечастое явление, когда глубокое содержание соответствует удивительной форме. Насколько неоднозначна она сама, настолько непросты ее слова, насколько притягательна ее поэзия, настолько чудесна и Злата.

Удельный вес книг Златы очень высок. Они непременно требуют серьезного отклика и будят в читателе все потенции – интеллектуальные и эмоциональные. Злата бесстрашный писатель, она может затрагивать самые болезненные темы. Но на дне самой большой, испитой до конца чаши страдания она всегда умудряется обнаружить каплю надежды. Поэтому так хочется читать и слушать ее стихи. А еще – просто беседовать, как у нас счастливо и получилось на V Международном русско-грузинском поэтическом фестивале.

- Свое выступление на фестивальном вечере вы предварили словами, что прочтете свои стихи, написанные по-русски, но не знаете, стихи ли это или просто зарисовки...

- Видите ли, я всю жизнь перевожу на сербский русских поэтов – Пушкина, Тютчева, Пастернака, Ахматову, современных поэтов – Елену Шварц, Ольгу Седову. Я много переводила и на русский язык – циклы из древней и новейшей сербской литературы. Себя я не пыталась переводить никогда. Даже не делала подстрочников. Но к участию в этом фестивале я хотела подготовиться, сделала и переводы, и подстрочники, но была ими не совсем довольна. Вообще трудно го-

ворить о своих стихах. Легче сказать, что о них говорят другие. Обычно отмечают сложность, насыщенность, густую ткань моих стихов...

- Смысловую, образную насыщенность или сложное звучание?

- И то, и другое. Слово – основное средство поэзии. Для меня естественно то, как я пишу. Мне непонятно, почему считают, что мой поэтический язык – какой-то специальный... У каждого поэта – своя поэтическая рукопись. Если уж человек родился поэтом, то он рождается со своим особым языком, звуком, ритмом. В каждой новой книге у меня меняется ритм, и стихи звучат по-другому. Но все говорят, что мои стихи всегда можно узнать, их не спутаешь с другими... В целом я стараюсь сочетать традиции сербской поэзии с авангардом.

- Ваши стихи, которые вы прочли на фестивале, написаны специально для него?

- Да.

- И в них появился образ мальчика с дудочкой...

- Стихи были написаны до моего приезда сюда, и когда я услышала от экскурсовода, что сегодня фигурка мальчика на батумском бульваре становится символом города, то была потрясена. Ведь я ничего не знала об этом. Значит, это витало где-то в воздухе... Когда я получила приглашение на фестиваль, мне показалось, что я не гоюсь для него, ведь я не русскоязычный поэт. Я обожаю русскую поэзию, занимаюсь ею всю жизнь и воспитана на русских поэтах. Но я сербский поэт, который пишет на сербском и переводит русскую

поэзию. Я написала в «Русский клуб», что не подхожу для вашего фестиваля, и в ответ получила очень милое письмо – обязательно приезжайте, мы вас ждем... А потом сложились эти стихи. Я даже хотела написать статью о том, как их написала. А было это так. Я смотрела на улицу и увидела, что внизу расцвела акация. Удивилась – как я не заметила, что она расцвела сразу, вдруг? Я живу на девятом этаже, и в тот момент в квартире окна были закрыты – это точно. Но я почувствовала аромат акации. И тут вспомнилось – акация, детство, бузина, стихотворение Марины Цветаевой, которое я переводила «Бузина зелена, зелена»... Что же произошло? Почему я написала во славу бузины, а не акации, которую увидела с девятого этажа? Наверное, потому, что я вспомнила, как в детстве мы срезали ветки бузины, и буквально почувствовала боль этого дерева... С акацией ничего подобного не происходило, но просто я как поэт очень часто обращаю внимание на точку перехода боли в песню. Это была боль бузины, которая превратилась в свирель, стала звуком и простила... Самое глубокое чувство – это боль. И если мы успеваем пройти через узкую дверь переживания, вынести из него стихи и сделать так, чтобы это была песня, то это и есть суть того внутреннего процесса, над которым мы не властны, не можем его осознать... Это и есть творчество. Только слова должны быть истинно нашими, чтобы стихи сложились.

- Даже если слова идут свыше?

- Ну конечно, ведь они проходят через нас. У меня даже есть стихотворение об этом, которое, кстати, русские неправильно перевели. Я пишу о том, что ангельский хор разматывает золотой клубок, бросает нить нам, и мы должны поймать ее и продолжить чем-то новым. И только, когда из нас исходит исповедь, цепь замыкается и процесс свершается.

- Как я понимаю, все вокруг вас складывалось так, чтобы вы все-таки написали стихи на русском. Это случайность или случайностей не бывает?

- Я думаю, что не только в творчестве, но и в жизни случайности вряд ли бывают. В творчестве – особенно, потому что там есть свои внутренние законы, касающиеся прежде всего языка. Мы иногда даже не осознаем, насколько важен язык, как он силен. Язык – вообще чудо, одно из самых больших чудес в мире.

- Вы говорите как профессиональный филолог, и я сразу вспоминаю, что слово «филология» означает «любовь к слову».

- Да, это так. Действительно, когда человек глубоко вникает в смысл разных слов и словосочетаний, он может узнать такие невероятные вещи...

- О народе, о человеке?

- О сотворении мира, например. Язык – это шифр. Это живое знание. Тут заложено очень многое. Человек бьется над вопросом, как вообще рождается язык, как возможно, что на земном шаре так много совпадений в разных языках? Почему совпадают основные слова – мама, папа? Поэтому мне так близок Хлебников, которого я переводила. Я училась у него. Его языковые поиски мне очень близки. Вот, например, в деревнях еще сохранились народные обряды, в которых используются слова, нам уже совсем незнакомые. То есть смысл этих слов живой, но для нас он утрачен. Наверное, я из последнего поколения, которое видело все обряды. Мой брат моложе меня на восемь лет, и он уже их не застал. А я имела это счастье.

- Не могли бы вы рассказать о каком-нибудь старинном сербском обряде?

- Охотно. Их очень много, а я расскажу об обряде, на основе которого я написала книгу, и многие считают, что это мое лучшее произведение. Кстати, после этого мне стало труднее писать, потому что мне говорят, что это книга жизни, и такие вещи не пишутся два раза. Это поэма не поэма... У нас есть такой жанр – спев.

- По-русски, наверное, сказ.

- Да, пожалуй. Обряд связан с воскрешением Лазаря. В этом обычае сохранилась вера в бессмертие, в чудо воскрешения. Собираются молодые девушки от 10 до 16 лет – это лазарки. Они наряжаются, причем старшая из них одевает мужской костюм – она изображает Лазаря. Девушки вереницей обходят все дома в деревне, поют обрядовые песни с пожеланиями доброго здоровья и хорошего урожая. В ответ хозяева благодарят лазарок и дарят им яйца и деньги... Когда вникаешь в смысл песен, которые поют лазарки, понимаешь, что главное в этом обряде то, что очень часто звучит обращение к Лазарю и слово «будить». Я задумалась над тем, что значит слово «лазарь»? Оказывается – «Божья помощь». Вы знаете, что у нас до сих пор в ходу старинное сербское ежедневное при-

ЗЛАТА КОЦИЧ

НЕ ВСЕ

Не все мы спели. Боль земли,
боль неба, радость бытия:
Бузина зелена, зелена.
Не все срубили, что любили.
Соцветие. Созвучие. Со-юдоль.
Сораспятие – вознесение бузины:
аромат: покуда ты дитя –
соизволь: это соль земли,
хлеб – вечеря, пра-праздник:
и вопль, и песня нам одни,
одна душа в волынках разных,
одни скрижали: листья, листва:
Зелен б'з. Бузина зелена.
Не все пожали, что сажали.
Не все сожгли. Воздух выжил:
в пузыре волынщика вздох
и выдох трубок из бузины.
Мы с бузиною ввысь ушли.
Там, где свирели ввысь ушли.
Если об этом промолчим,
будет и звук на нас обижен.

ветствие – «Бог в помощь!» И на него следует такой же ответ. То есть, понимаете, когда мы встречаемся, то говорим – «Лазарь!» И слышим в ответ – «Лазарь!» В обряде девушка играет роль Лазаря. Почему? Я поняла, это означает, что каждый из нас, несмотря на пол, - Лазарь. Господь обратился к нему со словами: «Лазарь встань и выйди!» Значит, каждый из нас должен всегда помнить о чуде воскрешения и готовиться к тому, чтобы быть призванным. Я много думала над этим вопросом, и вышла книжка. Мне кажется, главное то, что Лазарь должен услышать призыв. А чтобы суметь услышать, он должен быть чистым человеком, нравственно чистым, быть внутренне готовым услышать. Это и стало основой для книги. Образ девушки-лазарки из обряда помог мне создать образ Марфы-Марии – Марфы, которая заботится о земном, и Марии,

Злата Коцич и Надя Попова

обращенной к вечному. Я их соединила в один образ.

- Как вы назвали книгу?

- «Лазарева лестница». Этот образ, конечно, из Библии – там лестница Иакова (эпизод из Бытия 28:12-16 – лестница, соединяющая небо и землю, которую увидел во сне Иаков. - Н.З.), а у меня – Лазаря. Книгу я писала пять лет, и это было действительно благодать. Все, что происходило со мной и вокруг меня, как будто было помощью, и все выливалось в стихи. Как же после такого я могу сказать, что есть что-то случайное?

- Ваше пребывание в Москве тоже не было случайностью?

- Все началось в Белграде. Могу сказать с гордостью, что у меня был русский учитель – преподаватель Московского университета Владимир Николаевич Турбин. Потом оказалось, что он не только прекрасный педагог, но и потрясающий писатель – он написал роман «Ехегі monumentum», который был напечатан в сокращенном виде в журнале «Знамя», к сожалению, уже после его смерти. А в Сербии мы перевели и напечатали роман полностью, и я написала послесловие. В Белградском университете Турбин читал замечательные лекции о Чехове, Достоевском. Почему-то он обратил на меня внимание, даже не знаю, почему... Как-то я прочитала какие-то свои маленькие стишки, а он перебил меня и сказал: «Это гениально!» При всех... И после он говорил своим коллегам, нашим белградским профессорам: «У вас растет гениальный поэт». Я была очень смущена и очень рада. Вообще-то, я все про себя знала с детства, но серьезное, ответственное отношение к творчеству у меня появилось именно благодаря Турбину. Воспитанная на русской поэзии, я себя чувствовала маленькой птичкой, которая старается петь. И Владимир Николаевич очень помог мне. Он был учеником Михаила Бахтина, а меня называл своей дочкой и внучкой Бахтина. Вообще, Турбин любил пошутить, но его шутки были пророческими и потом осуществились.

- Дошутился, значит...

- Напророчил. После я неоднократно была в Москве – в Пушкинском институте. В Ростове Великом слушала курс лекций. Мне всегда очень хотелось хотя бы год прожить в русской среде. Но не сложилось. Каждый раз я приезжала от силы на два месяца.

- Если я вас спрошу – кто вы, какую иерархию вы выстроите?

- Поэт. Переводчик. Я пишу много текстов о русской литературе, которые издаются вместе с переводами – в виде предисловий. И без ложной скромности скажу, что это серьезные труды. Надо бы собрать все эти тексты в одну книгу – о Булгакове, Бродском, Бунине...

- В Грузии вы впервые. Но, как вы сказали, вы выросли на русской поэзии и знаете, как много и с какой любовью русские поэты писали о Грузии. Какое у вас было книжное впечатление о Грузии и что вы увидели воочию?

- Если не считать море, которое ни с чем вообще несравнимо...

- Ну, море оно везде море.

- Что делает страну? Не только природа, конечно, а люди. Такое гостеприимство, такое сердечное отношение к гостям, как в Грузии,

– большая редкость. Я заметила это даже из Белграда – по письмам, которые получала из «Русского клуба». Я вспомнила сегодня Булата Окуджаву: «Собирайтесь-ка, гости мои, на мое угощенье...» Это, видимо, действительно черта, характерная для грузинского народа. Хотя это есть и у русских, и у сербов – не вопрос. Но в Грузии происходит что-то особенное. Может быть, так влияет сочетание моря и гор? Мне кажется, что характер народа находится в согласии с природой. Вот, например, в Герцеговине – горы, скалы, камни. У них и характер такой. А в Сербии – природа мягкая, нежная...

- Вы хотите сказать, что сербы – мягкие и нежные?

- На моей родине характер у людей, конечно, вспыльчивый, но у них есть врожденный такт. А в Герцеговине – сплошная вспыльчивость. Характер, как резкая перемена погоды – только что гремел гром, сверкали молнии, а через две минуты – солнце. А в Грузии... Вы знаете, когда я слушала народную музыку, под которую танцевал детский ансамбль, я понимала, что могу на эту мелодию спеть некоторые фразы из сербской песни. Это была настоящая встреча с народом, тем более, что это были дети, которые несут традиции. А это для меня всегда священо. И просто невероятно, какое между нами сходство... Вы смотрели Евровидение? Там все отвратительно одинаковые. А тут – одинаковость внутренняя при всех различиях. Это и есть тонкость искусства. Потрясающе. До слез...

- Наверное, эти дети – тоже лазарки. Может быть, они нас будят для чего-то?

- Ну да! Именно! Вот мы говорили о языке – язык делает то же самое. И поэзия. А она – праздник, и она должна беречь праздничное. Вы знаете, я много переводила русскую классическую поэзию, и все время имела перед глазами образец, уровень, ниже которого опускаться нельзя. Я заметила, что многие современные модные течения, направления, подражания, которые относились к классике, как к чему-то необязательному, в результате куда-то уносило волной... Поэзия – как ткань. Выдернешь нитки, и ткань разойдется. Стихотворение должно держаться на внутренних связях, которые скрепляют слова. Современные течения tearing эти нити. Русская поэзия научила меня этому.

- Я благодарю вас за разговор и говорю вам – Лазарь! Бог в помощь!

- Бог в помощь!

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

ЧЕЛОВЕК ИЗ МЕНЬШИНСТВА

Павел Лунгин

Известный российский кинорежиссер Павел Лунгин задумал новый проект – экранизацию повести Пушкина «Пиковая дама». Действие картины – жанр определен как психологический триллер с элементами оперы – будет происходить в наши дни. Режиссер объясняет свой выбор тем, что «Пиковая дама» – очень актуальное произведение, поскольку в современном мире рулетка стала фактически символом удачи и состоятельности. Об этом он рассказал в Тбилиси, на Втором фестивале российского кино, где была представлена ретроспектива его фильмов. Тбилисцы увидели «Такси-блюз» и «Остров» с Петром Мамоновым в главной роли, а также картины «Свадьба» и «Бедные родственники».

- Павел Семенович, вы не перестаете удивлять разнообразием своих художественных поисков. Драма, комедия, трагикомедия – к какому только жанру вы не обращаетесь! Так же непредсказуема тематика ваших киноработ...

- Жанр и тематику определяют реалии. Трагикомедию «Свадьба», к примеру, мы снимали в маленьком поселке Липецкой области, где в тот период закрыли угольную шахту. Так что события, разворачивающиеся в фильме, совпали с тем, что происходило в реальности вокруг. И жители городка оказались просто прекрасными людьми! Я смешал их с профессиональными актерами, и в конце уже трудно было понять, кто актер, а кто – житель поселка. Когда мы показали фильм в Каннах в 2000 году, он получил специальный диплом за лучший актерский ансамбль... Потому что все вместе это выглядело действительно очень органично.

- А что касается самой сути картины «Свадьба»?

- Несмотря ни на что, она очень оптимистичная. Я жил тогда во Франции и вернулся в Россию, чтобы постараться понять, что здесь происходит на самом деле. И мне показалось, что жизнь в стране повернулась к нормализации, что чувство катастрофы, которое было у русских людей, постепенно проходит. «Свадьба» - история о любви. Молодой человек так любит свою девушку, что готов пойти в тюрьму за преступление, которое он не совершал... Герои моей картины умеют быть счастливыми, но умеют быть и несчастными. Знаете, к какой интересной мысли я пришел? Способность ощущать несчастье – это шаг к ощущению себя, к формированию своей личности.

На съемках фильма «Царь»

Право быть несчастным – это один из этапов самосознания.

- Что дала вам Франция в творческом, человеческом отношении?

- Взрослость какую-то, наверное. Потому что на Запад всегда приезжаешь с иллюзиями. Тебе кажется, что с тобой произойдет что-то невероятное! Но там начинается реальная жизнь... Хотя я был избалован, меня любили – после выхода картины «Такси-блюз» вокруг меня возникла такая замечательная аура. Жалко, что я так и не сделал фильм по-французски, на французском материале. Может быть, сейчас его сниму. У меня это есть в планах... Но тогда мне хотелось говорить о новой России, о том, что происходило в стране в 90-е годы. Да, для нас это было очень интересное время! К тому же я чувствовал, что на самом деле глубоко не понимаю французскую жизнь, что мои ощущения довольно поверхностны. Все-таки я не понимаю внутренних кодов этой страны, этого общества.

- Хотя вы прожили во Франции достаточно долгое время.

- Я думаю, что у меня была тогда и какая-то неуверенность в себе. Сейчас я думаю, что смог бы снять фильм на французском материале.

- Вы сказали, что 90-е годы в России были вам очень интересны. А то, что сейчас происходит в этой стране, вас по-прежнему волнует, как режиссера?

- В 90-е годы остро стояла проблема выживания. Менялся мир вокруг, менялись характеры людей. И в своих фильмах я свидетельствовал о времени. А сейчас – стабилизация, и возникли другие, метафизические вопросы. В чем смысл жизни? Кто мы такие вообще? Что такое Россия? Откуда она идет и куда? Поэтому я снял фильмы «Остров», «Царь»... Делаю картины, в которых пытаюсь поставить эти глобальные вопросы – если не ответить на них.

- Интересный факт вашей биографии: вы ведь начинали как лингвист?

- Я никогда не любил филологию. Но нужно же было куда-то поступать! Мне просто легко даются языки, поэтому я и попал на эту лингвистику. Но по своей сути я, конечно, совсем не ученый. И никогда им не был...

- По моему ощущению, за вашим необычным героем-саксофонистом из нашумевшего фильма «Такси-блюз» стоите именно вы!

- Что ж, это справедливо. «Такси-блюз» – это история про неожиданную свободу. Ужасную, хаотичную, разрушительную, но все-таки свободу. И про таксиста, который не может ни понять, ни оценить это...

- Прошло более двадцати лет после выхода картины «Такси-блюз». Вы обрели желанную свободу. Что-то изменилось в вашем отношении к себе самому, окружающим реалиям? Наступило разочарование или для вас все сложилось именно так, как ожидалось?

- Что вы? Когда же было все прекрасно? Никогда...

- Значит, все-таки разочаровались?

- Конечно, ведь я постарел на двадцать лет.

- Только это?

- Да нет. Я прожил интересную жизнь. Может быть, я не сделал всего того, что должен был сделать, наверное, нужно было больше работать. Но я начал поздно – в сорок лет!..

- А почему так поздно?

- До тех пор вообще для меня не было жизни. Я человек, рожденный в период перестройки. Абсолютно. В советскую эпоху для меня вообще не было никакого выхода. Я не принадлежал к тому миру и не мог в него войти, сосуществовать с ним.

- Но писали, тем не менее, сценарии.

- Мне кажется, все это было не очень удачно.

- Значит, новое время означало для вас выход в какое-то новое пространство?

- Конечно. Если возвращаться к вашему вопросу, то время, естественно, разочаровывает. Потому что во всем мире мы пришли к какой-то бессмысленной жизни, когда нет движения, когда мы переживаем кризис демократии. Мне кажется, весь мир переживает кризис демократии. Потому что большинство все время побеждает меньшинство, а я всегда отношусь к меньшинству. Люди, которых я люблю, мои друзья, всегда из меньшинства! Мне не очень нравится, как развивается наше кино, искусство вообще – все это чистое развлечение, тотальная коммерциализация! Деньги вообще стали все определять.

- У кого-то прочитала, что только будучи русским и православным можно до конца понять ваш фильм «Остров». Так это или нет, по-вашему?

- Мне кажется, это неправильно. Во-первых, я не русский, а еврей. Я думаю, что «Остров» – фильм не о религии. Для меня это скорее картина про стыд и раскаяние. Это те две вещи, которые отличают человека от животного. Способность к стыду и раскаянию – одно из главных человеческих качеств.

- Были моменты, когда и вы испытывали стыд и раскаяние?

- Да. Это было, есть и будет, наверное. Вообще это тот мир, в котором я живу. Но это очень интимный вопрос... По крайней мере, я очень глубоко вошел в этот мир. И сделал фильм на одном дыхании совершенно неожиданно для себя. Сам удивился тому, что в итоге получилось.

- А вот Петр Мамонов, сыгравший в вашей картине «Остров» главную роль, сказал: «Вот какое-то кинцо – и вся страна рыдает!»

- Это кокетство. Думаю, что он очень гордится этим фильмом, любит его. И почувствовал себя уже немного персонажем из сказки. Был какой-то период, когда Мамонова узнавали на улице, когда он был окружен таким почтением, как будто он не играл роль, а был этим персонажем!

- В фильме «Царь» вы перевернули традиционное представление об Иване Грозном. За это вам досталось от многих критиков. Кто-то даже учуял в вашей картине дым от костра будущей инквизиции...

- Но это вполне реальные истории! Митрополит Филипп, которого сыграл Олег Янковский, был первым русским диссидентом, потому что возвысил свой голос против власти. Это, скорее, история о трагедии русской власти, которая всегда хочет быть Богом на земле, заменить собой Бога, и сама не может в этом жить. Мне кажется, что Иван Грозный силой своей личности, недюжинной натуры, своим талантом и безумием изменил ход истории России. И уже пятьсот лет мы идем по путям, которые проложил Иван Грозный.

- Личность Петра Мамонова тоже повлияла на ваше решение снять такой фильм об Иване Грозном?

- Если бы не было Мамонова, я бы не взялся за эту картину. Во время съемок «Острова» я обратил внимание на какие-то повороты головы, взгляд Мамонова, и мне показалось, что я увидел его в роли Грозного.

- И тогда родился замысел?

- Да. Это лицо вдруг стало персонажем.

- Замечательно сыграл митрополита Филиппа Олег Янковский. Это, по-моему, его лучшая роль!

- Олег – потрясающий актер. Он промолчал весь фильм. Но несмотря на это молчание на протяжении практически всей картины, его Филипп живет напряженной, интенсивной внутренней жизнью. У нас с Янковским были большие планы, мы очень подружились, надеялись продолжить совместную работу... Уход Янковского был для всех, и для него самого, страшной неожиданностью.

- Вспомните, пожалуйста, ваш первый сценарий – он назывался «Все дело в брате» режиссера Валентина Горлова. Картина получилась, по-вашему?

- Я просто ее не помню. Это было в другой жизни. Я не люблю этот сценарий. Написал его, потому что нужно было как-то жить. Я сочинял сначала детские истории, из которых всегда получались очень неудачные фильмы. Сценарий фильма «Все дело в брате» был, возможно, и неплохим.

- То есть вы недовольны фильмами, которые снимались по вашим сценариям не вами?

- Не доволен. И только когда я начал сам заниматься режиссурой, то понял почему. Потому что я писал так, как это вижу я. Наверное, если бы я их поставил, все было бы по-другому – думаю, более интересно... Когда сценарий «Такси-блюз» случайно, через общих знакомых, попал во Францию, мне вдруг позвонил оттуда продюсер – он оказался очень известным, крупным продюсером, который тогда специализировался на авторском кино. Сценарий меня интересует, только если ты его будешь ставить сам, сказал он мне. Я был ужасно смущен! Я тогда мечтал снимать кино, понимал, что мне это необходимо делать. И продюсер меня убедил, что если картину поставит кто-то другой, это будет просто еще один ненужный фильм! Дескать, риск существует: может не получиться. Но если получится,

возникнет какое-то дыхание индивидуальности!.. Наверное, я все-таки писал не очень хорошие сценарии, потому что хороший сценарий должен, по сути, поставить любой человек. К примеру, пьесы играют по двести лет, и из них получают разные спектакли. Это всегда бывает очень интересно. Просто мои сценарии уж очень личные, и они не поддавались! В общем, я не люблю этот период своего творчества и эти фильмы. Никогда не пересматриваю их...

- Вы родились в замечательной семье сценариста Семена Лунгина и филолога Лилианны Лунгиной, благодаря переводу которой история о Малыше и Карлсоне стала известной, популярной и любимой в России... Что вам дали родители?

- Я думаю, они не хотели, чтобы я занимался кино. Отсюда и возникла лингвистика. А зато потом очень радовались, когда это произошло. Помню из детства, что родители создали такой необычный мир! У нас большая квартира в центре Москвы, и в ней всегда собирались замечательные люди – лучшие люди! Наш дом был открытый, хлебосольный. Я не жил в большом мире – я жил в маленьком мире, особом, прекрасном. В том мире, который создавался моими родителями. Они воспитали во мне независимость, ощущение внутренней свободы. Думаю, это, прежде всего, от мамы. Хотя мы с ней очень ругались, она выковала мой характер. Мама была достаточно властным человеком. Она создавала свою вселенную и хотела, чтобы в ней все было так, как она это видит. Но это было просто странство, наполненное любовью.

- С матерью вы были ближе, чем с отцом?

- С матерью мальчик всегда ближе... Мама была талантливой, поэтичной, веселой...

- На каком кинематографе вы выросли?

- Ни на каком конкретно. Сплошная эклектика! Отец преподавал на Высших сценарных курсах, и там показывали фильмы. Я бегал туда и смотрел все подряд, без всякой системы. Для меня все – и кино, и еда, и люди – делятся на живое и мертвое. Я люблю живые фильмы. И пытаюсь свои фильмы делать живыми. У меня сложился очень эклектичный набор фильмов, которые я люблю. Начиная от «Детей райка», «Кабаре» и других... Но так неправильно говорить, ведь я просто бессистемно называю фильмы. А мои картины, скорее, из жизни, чем из кино. В этом смысле я не очень хороший кинематографист. У кого-то искусство растет из искусства, а у меня – из жизни... Наверное, это многих раздражает!

- А то, что сейчас происходит в мировом кино, вам интересно?

- Конечно... Мне очень понравилась «Меланхолия» Ларса фон Триера. И вообще его творчество меня волнует – начиная с картины «Рассекая волны». Ларс фон Триер вызывает раздражение, мучает, бесит! Но этот режиссер в каком-то смысле изменил язык кино...

Беседу вела Инна БЕЗИРГАНОВА

ТОСКА ПО БУДУЩЕМУ

■ **Александр Гордон** поневоле является заложником своего телевизионного образа – циничный позер, для которого ничто не указ, кроме личных пристрастий, иногда – заумный пижон, порой – безответственный трепач...

В Тбилиси он показал свой новый фильм «Огни притона» - экранизацию повести Гарри Гордона. Действие трагикомедии происходит в Одессе в конце 1950-х годов. Главная героиня – мама Люба, хозяйка маленького борделя, в котором работают две «девочки», Зинка-Гитлер и Зигота. Люба для них – и мама, и подруга, и старшая сестра... В главной роли – Оксана Фандера. В картине сыграли Богдан Ступка, Ада Роговцева, Евгений Цыганов.

Александр Гордон прилетел на премьерный показ, легко согласился на интервью, не спеша ответил на все вопросы. И опроверг все, что мы о нем думали.

И дело даже не в том, что он снял умное и трогательное кино. И не в том, что, оказывается, он не пижон. И не в том, что он безупречно вежлив и вежливо ироничен.

Понимаете, разговаривая с Гордоном, понимаешь – неважно, летал он на Луну или не летал. Важно, что не врет.

Он не жалеет о прошлом и не переживает о настоящем. Ему важно завтра. Он говорит: «Меня мучает тоска только по будущему, по прошлому – никогда».

Естественность – вот его главное качество.

- Прежде всего я хочу поблагодарить вас за картину. Вы сняли не кино, а стихотворение – стихотворение вашего отца: «Среди строительных отбросов, Цементный оседлав кулич, Я косточку от абрикоса Тру об украденный кирпич. Растительной ракушки панцирь Не поддается. Но терпи, Точи свистульки, трогай пальцем, И плюй в оранжевую пыль. Кирпич на сантиметр источен, В ресницы пот бежит со лба. Теперь свисти до самой ночи, Пока не задрожит рука». В фильме замечательная образная закольцованность – в начале фильма мальчик вытаскивает свистульку из абрикосовой косточки, а в конце – свистит в нее. Оказывается, можно снять поэтическое кино, не цитируя стихов. Такое не удалось даже Тарковскому.

- Да, у него все-таки отец за кадром читает стихи...

- Это чистое кино, чистое и утешаю-

щее. Да, ваш фильм утешает, оставляет чувство просветления, хотя тема – неблагоприятная, жесткая, и, казалось бы, фильм на эту тему должен быть тяжелым. А он легкий.

- Это и было главной задачей. Спасибо за такую высокую оценку.

- В одном из интервью вы сказали, что своим самым большим достижением на сегодняшний день считаете именно эту картину. Почему?

- Потому что все, что я делал в профессиональной сфере, было так или иначе вынужденно – по обстоятельствам, по финансам и так далее. Я всегда стараюсь работать хорошо и правильно, но все равно бывает стыдно почти за все, что сделал. А здесь – никто меня за язык не тянул. И хотя работа оказалась очень тяжелой, неблагоприятная в том смысле, что я потерял много и друзей, и денег, но это была необходимость высказывания. Мне этот фильм нравится как зрителю, и у меня была именно такая установка изначально, я же понимал, что от меня ждут манифеста. Мне зачастую не нравится то кино, которое я обсуждаю в своей передаче «Закрытый показ». И если я сам снимаю кино, то для тех, кто будет его смотреть. Я хотел снять зрительское кино, не герметичное, а обращенное к людям, к зрителю, которого я если и не люблю, то хотя бы жалею. Как говорит моя героиня, «мне людей жалко, особенно всех». И еще – вы совершенно справедливо заметили, и я очень рад, что заметили – в отличие от тех, кто считает, что нынешние времена не позволяют искусству выполнять никаких других функций, кроме как быть искусством ради искусства, я считаю, что это не так, что всякий раз у искусства помимо того, что это самовыражение художника, либо проповедь, либо исповедь, но это всегда какое-то влияние на аудиторию. И мне кажется, что в наш очень нелегкий век утешение – как раз то, что я хотел бы дать. Снимая кино, я и сам избавился от большого количества внутренних проблем в своей жизни – и страхов, и ночных кошмаров...

- Утешили сами себя?

- Да. И подумал, что раз работа над картиной оказала такой терапевтический эффект на меня, может быть, она и другим поможет в жизни. В том самом утешении. Высоком утешении, конечно. Потому что слезы, которые иногда льют женщины над этой картиной, все-таки не сентиментальные, не мелодраматические. Мелодрама обычно вызывает жалость к самому себе – ведь над собой поплакать легче всего. А здесь, мне кажется, слезы другого порядка – очищающие.

- И еще, я думаю, это и слезы сострадания.

- Вот! А это же главное. Если любовь – это такой же талант, как вера, и не каждому дана, то жалость-то может проявить каждый.

- Я понимаю, что человек, особенно работающий на телевидении, иногда обязан или эпатировать, или кокетничать, или провоцировать. Но после этой картины я уже не смогу поверить ни в «ПОЦ» – вашу Партию общественного цинизма, ни в «ПИ здесь» - Партию интеллектуалов... Наверное, на самом деле вы совсем другой человек?

- Вот сейчас за обедом мы разговаривали с Леонидом Павловичем Мозговым. Он снялся в моей картине «Метель», которую я сделал после «Огней...» Но это отдельный разговор, потому что он, как всегда, был на высоте, а я не доволен своей работой. («Огни притона» были сняты в 2007 году, после кризиса 2008 года картина ждала финансирования монтажного периода, фильм «Метель» А.Гордон снял в 2010 году. – Н.З.) Нельзя же

Леонида Павловича воспринимать как Гитлера или Ленина, которых он сыграл? Это роли. Просто у него роли отчетливые, очерченные рамками драматического искусства в кино. А мои роли более расплывчатые, потому что телевидение – это сфера, где предполагается, что маска, которую ты носишь, к тебе прирастает. Но это же не так. Я все-таки профессиональный актер и Гордон, которого люди видят по телевизору, - это роль, которую я играю. И не одна роль. В «Хмуром утре» - одна, в «Гордон Кихоте» - другая, в «Закрытом показе» - третья. Это же не журналистика, не некое яканье в телевизоре.

- То есть ваша работа – сплошной маскарад?

- Ну конечно. Другое дело, что публика путает меня с этими героями. Но это неизбежно. В конце концов, Вячеслав Тихонов до конца жизни остался Штирлицем.

- В вашей деятельности так много направлений... Какое из них наиболее вам близко? Как говорится, кто вы, мистер Гордон?

- Конечно, режиссер кино. Если бы все условия моей жизни были абсолютно благоприятными, если убрать давление среды, то я бы занимался кино. И только. И как Георгий Николаевич Данелия, с удовольствием бы два года лежал на диване, фантазируя и выдумывая, а потом бы год, как папа Карло, трудился. Я думаю, что это – мое. Но пока жизнь такого режима не позволяет. К счастью, наверное.

- А на театре вы остаетесь?

- Да, потому что это очень хороший тренинг. Когда снимаешь кино, невозможно устроить полноценный подготовительный репетиционный период, как на театре, - у артистов нет времени, бюджет не позволяет, то да се... Приходится очень быстро объясняться с актерами и иногда работать с показом. А для этого надо быть в форме. Я играю два спектакля три-четыре раза в месяц в театре «Школа современной пьесы» - главную роль в спектакле «Дом» по Гришковцу и Тригорина в «Чайке».

- «Чайка» - проект со стажем...

- Не просто со стажем. Я там шесть лет Треплевым бегал. Теперь дозрел до Тригорина. И скоро буду играть если не Сорина, то Аркадину – точно.

- Вы как-то сказали, что ваш любимый фильм – «Не горюй!»...

- Да. Я считаю, что это один из лучших фильмов на земле. В нем счастливо совпало все, что я требую от кино для себя и что пытаюсь делать сам. Абсолютная внутренняя художественная свобода, точное отношение к зрителю, как к собутыльнику, соучастнику, как к человеку, с которым хочется поделиться – это главный мотив. Там очень сложный жанр – трагикомедия. «Не горюй!» - не реалистическое кино, в том смысле, в каком импрессионизм не может быть назван реализмом, то есть его грузины никакого отношения к реальным грузинам не имеют – это все-таки маскарад... И это очень сильное кино в эмоциональном смысле. Для меня главное, когда я смотрю кино, - чувствовать. Думать я буду потом, если буду. Кстати, поэтому я Тарковского не люблю. Когда я смотрю кино, оно меня должно взять и не отпускать, я должен плакать, смеяться, радоваться, ужасаться... Георгий Николаевич – мастер в этом деле. А «Не горюй!» я считаю шедевром.

- Вы неоднократно повторяли, что на телевидении работаете для заработка. Важно ли для вас то, что о вас думает аудитория?

- Послушайте, это же часть профессии. Ведь бабки можно захибать гораздо более простыми способами.

Кадр из фильма «Огни притона»

Многие люди, которые работают на телевидении, капитализируют свои таланты в ведение свадеб и корпоративов. А я этим не занимаюсь. Понятно, что я зарабатываю на телевидении деньги. Кстати, не бог вещь какие. Ведь у нас есть представление, что если человек в ящике на Первом канале, то он – миллионер. Это совсем не так. Это деньги тяжелые, и хлеб нелегкий. Но мне же хочется делать это честно, чтобы результат был достойный. То, что мне лично стыдно – это отдельная история, может, у меня планка такая высокая. Но приходится убивать сразу трех зайцев, и один из них всегда убежит.

- *Стыдно, говорите... С совестью своей вы в ладах?*

- Нет, конечно. Кто находится с ней в ладах? Но в моем случае дело не в телевизионной работе – тут другие причины. Межличностные коммуникации мне спать спокойно не дают.

- *Вы артист, шукинец. Почему вы пошли в артисты?*

- У меня другого пути не было. В пять лет у меня был собственный кукольный театр во дворе. Когда я прочел великие «Годы учения Вильгельма Майстера», я даже вздрогнул – у меня было ощущение, что я читал собственную биографию. Я всегда испытывал некоторую несклонность, а страсть к актерствованию. Потом – несколько театральных кружков, и мне, наверное, повезло, потому что в нашу школу пришли два выпускника ГИТИСа, с одним из которых мы дружим до сих пор... Пути назад у меня не было. Единственное, в чем я колебался – между актерством и режиссерством. Но юный возраст поборол сомнения, и тщеславие, которое присуще этому возрасту, победило все. Хотя, конечно, склонность к режиссуре у меня была с самого начала. В театральном училище я учился на смешанном курсе – у нас была режиссерская группа, которую вел Владимир Александрович Эуфер. Он просто заставил меня ходить на занятия, потому что видел и понимал все и вся.

- *Как вы учились?*

- Я отличник. У меня только по танцу тройка, она не

позволила мне получить красный диплом.

- *С удовольствием учились?*

- Мне это легко давалось.

- *Чувствовали, что это ваше?*

- Да, абсолютно. Все, кроме сцендвижения, танца и физкультуры.

- *Говорят, что в артисты идут очень застенчивые люди. Это и про вас?*

- Да. Я до сих пор испытываю некоторые комплексы, когда оказываюсь на публике, несмотря на всю профессиональную броню, которую сумел нарастить за эти годы. Все равно неловко, когда на тебя смотрят. Костя Райкин, например, который тоже заканчивал театральное училище имени Щукина, на первом курсе находился в таком зажиме, был настолько застенчив, что ему пришлось изгонять это из себя очень странным образом – он в метро вставал у дверей вагона и вслух объявлял следующие станции. Естественно, привлекал всеобщее внимание, его принимали за сумасшедшего, над ним смеялись, но он мужественно проезжал кольцевую линию по два раза.

- *И я уверена, что остался таким же застенчивым.*

- Остался. Но научился бороться с этим. А так... Иногда выходишь на сцену и чувствуешь себя подростком.

- *Вас легко смутить?*

- Да, очень легко. Если знать – как.

- *Ну, значит, нелегко... Кто входит в первый круг ваших друзей?*

- Отец, его жена, их дети – мои многочисленные сестры, дети и мужья сестер... Я не испытываю к ним никаких особенных родственных чувств – они именно друзья. Остался один друг со школьных времен, представляете?

- *Новые друзья появляются?*

- Приятели. Иной раз кажется, что все совпало, и это дружба. Но потом выясняется, что даже двух-трех лет общения недостаточно, чтобы отношения назвать дружбой.

- *Случались расставания после долгих лет обще-*

ния?

- Конечно. В основном, с женщинами, правда. Но бывало.

- *Вы уходили или от вас?*

- По-разному. Иногда я не мог уйти и провоцировал на уход. За это, конечно, особенно стыдно.

- *Почему основой для ваших фильмов становятся произведения вашего отца?*

- Я тоже долго думал над этим, и у меня нет однозначного ответа. Наверное, это из-за того, что у нас действительно очень схожие взгляды на мир, на его эстетическую и этическую составляющие. И он, и я не любим такую категорию, как вкус, потому что вкус очень близок к моде. Как он говорит, природа вкуса не знает, иначе не было бы этих похабных закатов, когда, как сказано у него в романе «Поздно. Темно. Далеко», «все свои – решили ангелы, оставим условности, забудем о приличиях, зачем нам эстетика». А еще из-за генов – может быть, я иду той же тропинкой, какой он шел всю жизнь, и с удовольствием, как трутень, пользуюсь результатами. Пчела уже мед собрала, чего ж его не попробовать...

- *По-моему, сейчас вы фокусничаете...*

- Нет, нет. Говорю же, я дилетант не потому, что не умею снимать кино, а потому, что у меня нет необходимости заниматься этим профессионально. Я любитель. В высоком смысле слова. Я могу позволить себе роскошь снимать когда хочется и что хочется.

- *И не ради заработка.*

- Не ради заработка совсем. Даже иногда наоборот. Поэтому я не бегаю с выпученными глазами и не ищу сценарии. Мне нет необходимости раз в два года снимать кино. Так магически совпадает, что те темы, которые мне интересны, так или иначе в творчестве отца уже приоткрыты. И мы пытаемся из этого сделать некое третье качество.

- *Может быть, просто ваши родители для вас очень важны?*

- Нет, это не мой случай. Абсолютно. Если бы мы с Гарри Борисовичем не были друзьями, то никакой привязанности я бы не чувствовал совсем. Мама моя живет в Америке. Мы встречаемся раз в четыре года. Это, конечно, большое давление на мою вечернюю совесть. Но я ничего сделать не могу. Так сложилось. Такой образ жизни у нее и у меня.

- *С мамой вы друзья?*

- Скорее всего, нет. Понятное дело, что я маму очень люблю и очень жалею, и когда есть возможность и необходимость, помогаю. Но это все. Потому что, если бы было по-другому, я в Америке бывал бы гораздо чаще, чем получается.

- *А с дочкой дружите?*

- С дочкой мы помирились после года ссоры – буквально третьего дня, да и то по интернету.

- *Главное – помирились!*

- Ну, она написала, я ответил. Вроде как помирились.

- *А из-за чего поссорились, если не секрет?*

- Она меня обманула, а мне это не понравилось. Так бывает.

- *В Грузии вы впервые...*

- Я был женат на грузинке семь лет, но она меня не пускала в Тбилиси.

- *Почему это?*

- Не знаю. Охраняла свою территорию. Она считала, что у нее здесь своя жизнь, которая меня касаться не должна. Может быть, щадила меня. Зато Грузия по-

бывала у меня дома в полном составе. У меня двери не закрывались семь лет. Родственники, друзья, друзья родственников... Кого только я не видел у себя – начиная от каких-то заместителей министров до воров в законе. Грузинская диаспора в Москве – это вообще отдельная вещь. Если возникают точки кипения в этой диаспоре, то они кипят по полной программе.

- *Но это ведь в прошлом, я читала...*

- Да-да, конечно, давно уже.

- *Вадим Абдрашитов сегодня сказал: «Нахожусь под тяжелым бременем гостеприимства». Нет у вас такого же чувства?*

- Нет. Я, видимо, в это время пил. А кроме того, я это бременем не считаю, потому что и сам человек гостеприимный, и знаю, что помимо неудобства это доставляет колоссальное удовольствие – принять человека.

- *О впечатлениях от Тбилиси пока еще рано спрашивать?*

- Рано. Скажу только, что Тбилиси безумно похож на Одессу, а Одесса – мой любимый город. Поэтому думаю, что здесь у меня тоже срастется. Только мне надо приехать сюда на неделю и без всяких дел. Уже хочется...

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

«НЕ ХОТЕЛ КОМАНДОВАТЬ ГРАБИТЕЛЯМИ...»

95 лет назад, летом 1916 года, в ходе знаменитого Брусилковского прорыва всей России стал известен генерал Гильчевский, благодаря умению и мужеству которого небоеспособная дивизия первой шла в атаки и захватила 22 тыс. пленных. Как выяснил обозреватель «Власти» Евгений Жирнов, десятилетие спустя генерал столь же решительно написал письмо советским вождям, где удивительно точно предсказал развитие событий в СССР.

«ВЫ ПОЛОЖИТЕ ИХ ВСЕХ ДО ЕДИНОГО»

То, что в своем отечестве пророков нет, известно со стародавних времен. Тем более таких пророков, как Константин Лукич Гильчевский. Ну был бы он монахом-схимником, юродивым или на худой конец происходил из семьи потомственных ведуний или колдунов. Однако Гильчевский родился в семье служившего на Кавказе сверхсрочного солдата из крестьян и вряд ли поднялся бы выше фельдфебеля, если бы не началась эпоха больших перемен русской жизни. Ему исполнилось четыре, когда произошла отмена крепостного права. А еще двумя годами позже в ходе военной реформы началось преобразование кадетских корпусов в военные гимназии, в три из которых вскоре начали принимать представителей всех сословий, чтобы у детей крестьян и солдат появилась возможность получить полноценное военное образование и стать офицером. По всей видимости, именно о такой карьере для сына мечтал Лука Гильчевский. Вот только материальное положение семьи вряд ли позволило ему отправить сына в военную гимназию. А потому в 1872 году Константин 15 лет от роду там же, на Кавказе, поступил вольноопределяющимся в армию.

О первых годах его службы известно на удивление мало. И даже его подвиги при взятии турецкой крепости Карс в ноябре 1877 года не упоминались в официальной истории русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Возможно, потому, что каждого участника этого штурма без преувеличения можно было назвать героем.

В том же 1877 году французский военный агент при Кавказской армии генерал де Курси писал командо-

вашему ею великому князю Михаилу Николаевичу:

«Я видел карские форты, и одно, что я могу посоветовать, это не штурмовать их; на это нет никаких человеческих сил! Ваши войска так хороши, что они пойдут на эти неприступные скалы, но вы положите их всех до единого и не возьмете ни одного форта!»

Положение осложнялось еще и тем, что русские войска испытывали острую нужду практически во всем, от сена для лошадей, которое привозилось издалека, до продовольствия и обмундирования для солдат. А при описании самого штурма его участники чаще всего использовали слово «бойня». Вольноопределяющийся Гильчевский в этом сражении не только уцелел, но и в качестве награды в апреле 1878 года был произведен в прапорщики. Вот только подобное производство в офицеры, отнюдь не редкое в Кавказской армии, вовсе не означало начала успешной офицерской карьеры. Для получения следующего чина требовалось сдать офицерский экзамен за курс военного училища, что удавалось сделать очень немногим офицерам из рядовых.

Однако Константин Гильчевский доказал, что не собирается останавливаться на достигнутом. Он выдержал офицерский экзамен в Тифлисском пехотном юнкерском училище и, за исключением небольшого перерыва на учебу, продолжал службу на Кавказе. В 1890 году штабс-капитан Гильчевский окончил Николаевскую академию Генерального штаба и впредь мог обоснованно рассчитывать на спокойные должности в штабах. Но он снова регулярно оказывался в войсках и на местах боевых стычек. В 1892 году, например, служа в штабе казачьей дивизии, он участвовал в стычках с контрабандистами на персидской границе, которую охраняли казаки. Об этих приключениях со свойственной ему прямотой он писал в заметках, печатавшихся в военных журналах. И именно эта прямота очень сильно повредила его дальнейшему продвижению по службе.

Константин Гильчевский

«ПОРАЖАЛО ПОЛНОЕ БЕЗУЧАСТИЕ КОМАНДИРОВ ПОЛКОВ»

В 1905 году полковник Гильчевский уже командовал полком и мог ждать скорого производства в генералы. Но в стране началась революция, которую принялись подавлять с помощью войск. Видный военный

теоретик Александр Свечин писал о Гильчевском: «В революцию 1905 г. он, командуя Мингрельским полком, отказался выступить в карательную экспедицию в Кутаисскую губернию». Конечно, Гильчевский мог бы сослаться на болезнь или найти иную уважительную причину. Но он просто отказался от участия в избиении крестьян. И, как писал Свечин, «его начали резко обходить по службе» и даже после производства в генерал-майоры не давали подняться выше командира бригады. Командование дивизией он получил только в 1914 году, после начала Первой мировой войны, причем должен был сформировать ее заново из солдат и офицеров запаса.

«Контингент запасных, - писал он в воспоминаниях, - состоял из пожилых солдат, бывших даже в японской войне. Настроение было небоебоевое. Воинский порядок соблюдался слабо. Большинство офицеров относились к своим обязанностям безучастно».

Не лучшим оказалось и поведение войск в бою:

«Батареи, впервые попав под огонь и не имея у орудий щитов, растерялись. Передки поскокались в тыл, а командир дивизиона, офицеры и прислуга, вынужденные из орудий замки и прицелы, побежали назад от своих пушек».

А равнодушие офицеров не исчезло и во время боев:

«В этот день, как и ранее, на походе нас поражал вид ротных командиров, ехавших верхом при ротах совершенно безучастно. Лучшие командиры полков были убиты, хорошие офицеры выбыли уже в первом пятнадцатичасовом бою; командир Орского полка, Москули, все время прятался в обозе якобы по болезни; командир Бузулукского полка заявлялся тоже больным; полк вел капитан, очень слабый. Порядка в полках и в артиллерийской бригаде не было. Приходилось на каждом переходе пропускать мимо себя дивизию по два-три раза и каждый раз обгонять дивизию верхом, - и все же, как бы умышленно, порядок не налаживался. Поражало полное безучастие командиров полков и батарей и их безразличное отношение к продовольствию людей и лошадей».

При этом дивизия вела непрерывные бои и несла тяжелые потери, а ее командир без остановки носился верхом от полка к полку, пытаясь добиться выполнения своих приказов:

«Винтовки стояли не в козлах, а были воткнуты штыками в землю. Командный состав не обращал на это внимания. Я потребовал, чтобы винтовки немедленно были вычищены, смазаны и поставлены в козлы. Ближайший от меня какой-то солдат приказание умышленно не исполнил; тогда я, выхватив револьвер, произвел в него несколько выстрелов».

Однако если эти методы и помогли поднять боеспособность полков, то не смогли остановить грабежи.

«Его дивизия, - писал Свечин, - действовала в боях весьма успешно, но при занятии австрийского города Уланува, в котором казаки начали погром, продолжила этот погром и сожгла город начисто. Этот прискорбный эпизод обусловил отчисление его от командования дивизией. В штаб корпуса явился уже заместитель Гильчевского, блестящий редактор «Русского инвалида» генерал Беляев. Но в этот момент на дивизию была возложена отчаянная задача - произвести демонстративную переправу через Вислу, чтобы облегчить серьезное ее форсирование севернее, в районе Ивангорода. Беляев решил воздержаться от приема дивизии на время этой неприятной задачи».

Для выполнения приказа у Гильчевского не оказалось ничего. Ничем не помогли и командиры соседних частей:

«Решаясь форсировать Вислу, не имея понтонного парка, тяжелой артиллерии, сапер и крупных сил, мы шли «на ура»... У нас все же была твердая уверенность

ментировала приказы и настаивала, чтобы они исполнялись по ее толкованиям. Ездил она верхом при дружине рядом с мужем, одетая в мужской казачий костюм».

Во многом соответствовал ополченцам и командный состав:

«402-й полк не внушал особой надежды, так как командир его Кюн, хотя с виду был и бравым, но во время боя совершенно терялся; он, даже находясь в закрытии на своем наблюдательном пункте, от артиллерийского огня почти терял сознание».

Однако Гильчевский снова и снова учил, убеждал, заставлял.

«В бою, - писал Свечин, - как прирожденный вождь второочередных войск, К. Л. Гильчевский всегда, насколько мне его приходилось наблюдать, находился в центре ружейного огня или на наблюдательном пункте, построенном в 200-300 шагах за передовыми окопами, или верхом в цепях. Быть может, это был единственный русский генерал, применявший такой метод управления. Но он был необходим, чтобы толкать второочередные части в бой: начальник дивизии должен был являться сре-

ность, что рискованная операция увенчается успехом. При такой уверенности энергия учетверялась и передавалась подчиненным. А это невольно поднимало и настроение начальников и их частей. Хотя, взглянув на Вислу, они ясно видели, что дело крайне опасное и рискованное, тем более что операцию приходилось выполнять на имевшихся в небольшом количестве маленьких лодках. Соседи же, вероятно, думали: «Пусть Гильчевский разобьет себе голову»».

Однако генералу удалось в очередной раз добиться успеха.

«Я помню, - писал Свечин, - как в ставке были удивлены, когда получили телеграмму о том, что 83-я дивизия без понтонов, без тяжелой артиллерии переправилась через Вислу, сбив австрийцев и удержалась на противоположном берегу. Но «мавр, сделав свое дело, должен был уйти»».

«КОМАНДОВАЛА ДРУЖИНОЙ ЖЕНА КОМАНДИРА»

Вот только в тылу генерал пробыл недолго, до марта 1915 года.

«Гильчевский, - писал Александр Свечин, - получает 1-ю ополченскую дивизию – сборище почти небоеспособных дружин, получившее потом название 101-й пехотной дивизии».

На деле определение «небоеспособные» выглядело почти комплиментом.

«Дружины, - вспоминал Гильчевский, - были вооружены старыми винтовками Бердана. Патроны к ним были с дымным порохом давнего изготовления, отсыревшие, так что при выстреле некоторые пули падали в нескольких шагах от стрелков, а во время боя цепь окутывалась густым дымом. Боевая подготовка дружин была очень слабая. Мне рассказывали, что при отступлении дружин от города Черновицы они при обороне нередко копали окопы фронтом не к противнику, а в обратную сторону – так плохо они ориентировались в поле. Никогда дружины не выступали в назначенное время, а всегда на несколько часов позже и часто не исполняли приказа или искажали его. А в одной дружине командовала дружиной жена командира дружины, донская казачка Полковникова. Она по-своему ком-

ди них душой всякого боевого действия».

В мае 1916 года дивизии поставили задачу прорвать австрийский фронт, и приказ был выполнен. Но как только Гильчевский делал невозможное, ему ставились все новые и новые тяжелейшие задачи.

«Сто первая дивизия, - вспоминал он, - обратилась в ударную. Становилось тяжело... Дивизия с 22 мая по 15 июля 1916 г., в течение 54 дней, дала девять боев, сделала 7 прорывов сильно укрепленных позиций, из них 4 с предварительным форсированием болотистых рек. Дивизия за 9 боев потеряла более 20 000 человек, несколько составов офицеров, двух командиров полков и начальника штаба дивизии. Трофеями только что созданной дивизии были 424 офицера и около 22 000 здоровых пленных солдат».

Его снова пытались ругать и затирать, но теперь не замечать его победы было уже невозможно. Гильчевского наградили Георгиевским оружием, орденом Святого Георгия 4-й степени и произвели в генерал-лейтенанты. А потом случилась Февральская революция, и вскоре армия, которой генерал отдал всю свою

жизнь, прекратила свое существование. А еще через десять лет он превратился в забытого всеми старика, никому не нужного, кроме самых близких ему людей. Однако Гильчевский не сдавался никогда. Не собирався сдаваться и впредь.

«ЭТО ПОЛИТИКА БОЛЬШАЯ И НЕ РАЦИОНАЛЬНАЯ»

В 1927 году он написал председателю Совнаркома СССР Алексею Рыкову, требуя свою честно заработанную службой родине пенсию. А получив отказ, написал председателю ЦИК СССР Михаилу Калинин, который переслал его крайне интересное письмо Сталину:

«В апреле этого года я написал письмо А. И. Рыкову об эмеритальной пенсии. В июне от приемной сов. нар. ком. РСФСР получил сверхбюрократический ответ, что пенсия аннулирована и что, если я потерял трудоспособность, могу обратиться в собес. Можно все аннулировать, даже человеческую жизнь, но для этого все же нужны какие-нибудь основания. Правительство по аналогии должно было аннулировать и золотой и алмазный фонды и другие богатства, которые гарантировали обязательства российского государства и в том числе обязательства по выплате эмеритальной пенсии. Сорок лет из моего содержания производились 6% вычеты в бывшее рос. Государственное казначейство. Таким образом, в отставке я был обеспечен страховой пенсией; кроме того, после моей смерти были бы обеспечены также жена и дочь. Если правительство в принципе не признает пенсии, то никому не следует и выдавать их, а всех перевести на социальное обеспечение. Равенство так равенство для всех. Между тем правительство ввело пенсии, как персональные,

так и обыкновенные, за службу, причем пенсии эти очень многим выдаются по протекции. Между тем ранее революционеры очень много и громко вопили о протекциях, а теперь она существует во всю ширь. Я знаю, что в Тифлисе многие получают пенсию по протекции. Могу привести вам и факт в Москве. Там живет мой знакомый 80-ти летний старец, бывший генерал Кюн, родственник Каменева, который выхлопотал ему пенсию в 50 руб. в месяц. Скажут, что он служил у большевиков, но и я в 21 и 22 годах тоже служил здесь у большевиков, но мне из грошевых расчетов пенсии не дали... Я был здесь преподавателем, лектором и руководителем. Вы можете сказать, что персональные пенсии выдаются только за заслуги союзу, но и я в 21-22 г.г. оказал союзу очень большую услугу, не поехавши в армию Деникина, так как не хотел командовать грабителями и убивать грабителей».

Затем генерал указал на полную нелогичность в заявлениях и действиях советского правительства:

«Если правительство в принципе не признает страховую (эмеритальную) пенсию, зачем оно ввело государственное страхование. Если правительство заявляет, что оно правительство не России, а Союза, то почему, когда ему желательно что-либо получить, например претензии к страховым обществам, оно говорит, что Союз наследник бывшей России. Нужно быть последовательным и логичным: если Союз считает себя наследником бывшей России, тогда надо признать и обязательства последней, т. о., обязательства по выдаче эмеритальной (страховой) пенсии. Зачем создавать недовольных,

их и так масса, почти 99-100% всего населения. Это политика большая и не рациональная».

А вслед за тем рассказал об отказе от советской пенсии:

«Ответ приемной сов. нар. комис. РСФСР от 9 июня 27 г., что я могу обратиться в собес, мне был известен очень хорошо. Когда у меня не будет глаз, рук и ног, то после долгих и очень долгих мытарств и унижений я могу получить семирублевую пенсию, т. е. на два фунта хлеба, чтобы не умереть с голода. Я ответил приемной, что отказываюсь от предлагаемой гуманной социальной помощи и жертвую ее на оборону. Впрочем, и на эту пенсию я не имею права, так как хотя мне 71-й год, но я еще трудоспособен; но труд, опыт и знания свои я не могу предложить правительству, так как у него и без меня миллионы безработных и число их быстро растет, как и общее обеднение. Кроме того, меня, как бывшего генерала, - быть генералом преступление – следовательно, «черносотенца», «реакционера», «монархиста», «контр-революционера» и т. под., никто на службу не примет. В письме к Рыкову я просил указать, к какой верховной власти я мог бы обратиться с жалобой на несправедливое и незаконное аннулирование правительством эмеритальной пенсии. Ответа не получил. Я обращался к здешним опытным юристам, чтобы они указали то учреждение, куда я мог бы подать жалобу, но никто из них не мог мне сказать ничего определенного. В прежнее время я мог бы жаловаться в сенат, и, если бы сенат вынес неправильное решение, мне предоставлялось право обратиться к верховной власти, и тогда канцелярия по приему прошений на высочайшее имя дала бы окончательный ответ, строго основанный на законе».

Свою позицию генерал четко аргументировал:

XI Красная Армия в Тифлисе. Февраль 1921

«Большевики говорили и говорят, что бывших генералов надо заморить голодной смертью, потому что когда-то жандармские генералы и некоторые губернаторы-генералы душили революционеров. При чем же мы, остальные. Большевики говорят, что служба наша, даже боевая, для них не имеет никакого значения потому, что мы якобы служили только царю и буржуазии. Царь для нас был отдельно, недосыгаемой и недоступной величиной. Ему служили царедворцы, высшая ари-

стократия, жандармы и некоторые губернаторы. Мы же служили родине, т. е. России, и защищали на войне вовсе не интересы русской буржуазии и не завоевывали для нее рынков, потому что в рынках буржуазия не нуждалась, она едва удовлетворяла свой внутренний рынок. Мы служили и вели войны в интересах родины. Если мы и предки наши не вели бы войн, то занимали ли ныне 1/6 часть земного мира?.. Да разве сам союз не вел империалистической войны. Он в 20 и 21 г.г. регулярной красной армией вновь завоевал все Закавказье. Большевики говорили, что их пригласил сюда якобы восставший здесь народ. Я родился здесь, и живу в Тифлисе 50 лет, и прекрасно был информирован. Никакого восстания здесь не было. Вас пригласила сюда горсточка коммунистов. Напротив, население вас не желало и даже страшилось вас. Оно в 24 году даже восстало против коммунистов. Вашего прихода, напротив, желали мы, русские, чтобы избавиться от национального гнета, но, к сожалению, мечты наши не осуществились. Русских отовсюду гонят, русских здесь не терпят. Между тем здесь весь край, все камни залиты русской кровью. Россия когда-то спасла Закавказье от персидского и турецкого рабства, вложила громадные капиталы и ныне продолжает вкладывать деньги русского мужика. Некоторые говорят, что край попал в рабство к русским, это теперь принято писать и говорить. Но русские никого еще не эксплуатировали, а ныне еще менее способны на это».

«Можно все аннулировать, даже человеческую жизнь, но для этого все же нужны какие-нибудь основания».

«ВОЖДИ НАШИ ЖИВУТ ВО ДВОРЦАХ»

Гильчевский, очевидно, не исключал, что это письмо может оказаться последним в его жизни. А потому решил сказать все и до конца:

«Что ж, русская интеллигенция сама повинна во всем. Не царь был виноват, а виновата интеллигенция, которая витала со своими идеями в небесах, жертвовала за них жизнью и желала для дикой страны каких-то сказочных реформ. Если царь и упрявился, он был прав. В России не было людей, а тем более нет их и ныне. Часть их перебили, а часть бежала. Вы отлично знаете, что все ваши верхи заполнены инородцами (вся дипломатия, торговые, финансовые и другие учреждения). Из-за несбыточных реформ русские потеряли половину России, да, вероятно, потеряют еще часть, если упрямо будут проводить социализм. Последний исчез еще при Ленине в 21 году, и с того времени он отодвинулся на много тысяч лет. Лозунг «электрификация плюс кооперация – это социализм». В Америке электрификация и кооперация такие, что нам, дикарям, и во сне не снилось; а между тем там нет социализма и не будет. В Тифлисе разоривши полгорода и вымануши у русского мужика деньги, построили «Загес», и что же: социализма нет и не будет. Лозунг «всякая кухарка должна уметь править государством» - очень красивый лозунг. Но многие кухарки и обеда порядочного сварить не могут. А те, что приезжают в Москву, в Кремль, решать якобы государственные дела, - всякий знает, что они только статисты и приезжают для приманки дикарей других стран и для показа иностранцам. Ведь они голосуют и подписывают уже заранее составленные решения в политическом бюро и заранее, без их ведома составленные резолюции. Скажите откровенно, где вы провели социализм – нигде, и не

проведете его, потому что идеи ваши прекрасны только в теории. Можете указать на фабрики и заводы, но они принадлежат государственному капиталу, который эксплуатирует рабочих более, чем капиталисты. Докажите, что коммунизм – это рай в людской жизни. Устройте из всех ваших вождей с семьями общую коммуноу, тогда и я перейду в ваш лагерь. Лозунги ваши были заманчивы до 21 года, но затем они выцвели, и никто ныне в них более не верит; думаю, что в них не верят и многие коммунисты. Между тем вожди наши живут во дворцах, проживают большие деньги, ведут роскошную жизнь, разъезжают в салонных вагонах, ничего не платя. По крайней мере мы это наблюдаем здесь в Тифлисе».

Из наблюдений генерала следовали выводы, которые оказались пророческими:

«Простите меня, если скажу вам откровенно неприятную правду, которая ныне в загоне. Знаете ли, кто в Союзе (слово Россия ныне вытравлено) составляет сильную монархическую партию, - это фанатики вожди коммунисты. Они, не сознавая, своей упрямой настойчивостью быстро ведут Россию к монархизму. Верьте мне, что за вашими лозунгами никто из других народов не пойдет, даже не идут за ними дикари китайцы. Французы, немцы, англичане, грузины и др. прежде всего французы, англичане, немцы, грузины, а потом они коммунисты. Русские же только коммунисты, но не русские, потому, что они родины своей не любят и жертвуют последние крохи для других, на бифштексы английским рабочим, в бесплодной надежде добиться социализма. Когда в 21 году большевики пришли в Тифлис, я имел с Геккером (командующий 11-й армией, взявшей Тифлис. - «Власть») горячий разговор. Он убеждал меня, что всем окраинам надо дать независимость; довольно, он говорил, тратить деньги русского мужика на окраины, пусть они живут на свои ресурсы. Я ответил ему, что этого никогда не будет; как были окраины на содержании у русского народа, так и будет и впредь. Так и случилось. Да не только русский рабочий и мужик содержит окраины, он строит для них фабрики и заводы. Если все окраины будут иметь свои фабрики и заводы, что же тогда будут делать московские рабочие, куда они будут посылать свои товары. Ведь за граница московскую дорожку дрянью покупать не будет. Население окраин очень довольно постройками фабрик. Они откровенно говорят: пусть русские побольше построят нам фабрик и заводов, все они останутся нам, когда мы выгоним отсюда русских».

В конце письма, уже несколько поостыв, Гильчевский объяснил причины своей откровенности:

«Я всегда был прям и за это даже пострадал в 1905 году... Я был прям в 17 году с Александровичем, председ. кор. совета в Яремче, когда он убедительно приглашал у них командовать корпусом; я откровенно сказал ему, что идеи большевиков бредни и, как бы они красивы не были, они не осуществимы, тем более в такой дикой и невежественной стране, как Россия. К тому же я не хотел продолжать командовать корпусом, когда рядом со мной посадили в совет двух евреев – портного и сапожника – и других им подобных, которые, развалясь с папиросами в зубах, заявляли: «Товарищ командир корпуса, мы с вами не согласны». После этого я сказал Алвичу, что, если портные и сапожники компетентны управлять корпусом, пусть управляют, а я поеду домой к семье в Тифлис, которую не видел 3,5 года. Извините, что отвлекся в сторону. Когда 10 лет болит сердце за родину, поневоле хочется

излить свои чувства. Все же прошу вас, как председателя ЦИК и русского человека, рассмотреть вопрос об эмеритальной пенсии и решить его по совести и справедливости. Тем более обращаюсь я к вам потому, что вы крестьянского сословия, были когда-то рабочим и всегда защищали и защищаете интересы этих людей. Ведь я тоже сын солдата-крестьянина и крестьянки, мой отец умер солдатом».

Потом он вновь поделился наблюдением, больше похожим на предсказание, о возвращении прежних, имперских порядков:

«Ныне вы тоже постепенно отказываетесь от большевистских принципов, переходите к прежнему. Вообще там, где вы возвращаетесь к выработанному тысячелетиями жизненному укладу, у вас все налаживается: и дисциплина, и единоначалие, и преданность службе, и винная монополия, и проч.».

А в довершение, выговорившись, извинился за настойчивость и прямоту:

«Я по природе настойчив. Если бы я не был настойчив, то, будучи неучем, не поступил бы в академию ген. штаба, не достиг бы должности командира корпуса и не имел бы в 16 году, командуя ополченской дивизией, столько громких побед, и, наконец, если бы я не был настойчивым, то не научился бы на 71-м году жизни работать на пишущей машинке, чтобы за неимением денег переписать свой литературный военно-исторический труд из мировой войны для напечатания его в Москве. Но и это, вероятно, без протекции не удалось мне провести в издательстве. Оно очень внимательно только к протекциям. Может быть, вы, Михаил Иванович, будете любезным, возьмете мой труд под свое покровительство и проведете его в печать в военном отделе ГИЗ. Тогда я вышлю его вам. Труд этот интересен, в первых, в том отношении, что и с ополчением можно достигнуть крупных успехов, если не бояться смерти, и, во-вторых, в нем описываются бои на Висле и в Буковине, в самых ближайших районах будущей войны. Может быть, в этом обращении к вам я рискую неприятностью – испытать «прелести чеки», но на войне я тоже всегда рисковал, поэтому по привычке трудно отделаться от порыва рискнуть и в вопросе о пенсии. Еще и еще раз простите, Михаил Иванович, что в настоящем письме, может быть, я вылил кое-что неприятное для вас. Но за десять мученических лет – неизвестно за какие мои прегрешения – можно стать старым ворчуном. Воркотня эта вызвана патриотической болью за Россию. Михаил Иванович, вы русский человек, стремитесь к одному – к величии нашей родины. Бросьте идею о счастье всего мира. Все равно вы ничего не сделаете для него. А мир этот в заключение только напакостит России, даже те же английские и китайские рабочие, которым посылали миллионы русских денег. Думайте только о России – и вы сделаете большое благо для родины».

Это письмо очень сильно контрастировало со всей остальной почтой Сталина той поры, резко выделяясь своей точностью и логичностью среди тысяч малограмотных просьб о помощи, доносов и анонимок, в которых ругали советскую власть. Возможно, именно поэтому письмо не переслали в ОГПУ. Возможно и то, что Сталин слышал в молодости о герое-земляке и поэтому понял и оценил его смелость и наблюдательность. А может быть, генеральный секретарь ЦК во многом

был согласен с царским генералом. В архиве, правда, не нашлось никаких документов о назначении ему персональной пенсии, зато в следующем, 1928 году воспоминания откровенного врага советской власти генерала Гильчевского опубликовали.

Скорее всего, его, как и Свечина, должны были бы покарать за вольнодумие в 1930-х годах. Однако в списках репрессированных его нет, так что можно предположить, что он умер до начала массовых чисток. По той же причине, судя по всему, не тронули и членов его семьи, живших в Тбилиси еще в 1950-х годах. А в 1944 году на советских книжных прилавках появился роман Сергея Сергеева-Ценского «Горячее лето» - вторая часть дилогии «Брусиловский прорыв», где царский генерал-лейтенант Константин Лукич Гильчевский оказался одним из главных положительных героев.

Вот только пророком в своем отечестве он так и не стал. Поскольку их как не было, так и нет.

Евгений ЖИРНОВ
Еженедельник «Коммерсантъ»
№22 (926), 06.06.2011

Дорогие читатели! Всех, кто располагает дополнительными сведениями о жизни и деятельности нашего земляка генерала Константина Лукича Гильчевского, просим сообщить об этом редакции журнала «Русский клуб» (тел. +995 32 299-77-06, эл.почта: rusculture@mail.ru).

Редколлегия

НЕ ЗАБЫВАЯ РОДА СВОЕГО

Духовное наследие Павла Флоренского – культурное достояние как Грузии и России, так и всего человечества. Представитель евразийской культуры, творец и строитель цельного православного мировоззрения, это был утонченный эрудит и энциклопедист, необыкновенная и творческая индивидуальность, мыслитель, которого сравнивали с Леонардо да Винчи, теолог и священник, связывавший крах цивилизации с ее бездуховностью, наступающей при отсутствии в обществе позитивной идеологии, когда обездушенная цивилизация истощает себя.

Жизнь отца Павла – яркий пример, подтверждающий, что она дана человеку для познания себя и воспитания души. Всей своей жизнью, духом и разумом он следовал завету своего духовного отца – старца Аввы Исидора Грузинского, считавшего, что «духовность – это проявление духа человека относительно его самого и окружающей среды, а истинно духовное развитие находится внутри человека, поэтому следует слушать свой голос, отказываться от всего, что не по совести, укреплять добро, препятствовать злу и в достойном виде предстать перед Богом».

П.Флоренский создал развернутое учение о происхождении мира идей и интеллекта человека – сложного сплава сознания и мышления, дал свою трактовку

учения о Софии на материале православия. Превосходный интерпретатор платонизма, которого занимала духовная основа бытия и таинственной Софии – Премудрости Божьей, он рассматривал ее как «вселенскую реальность, собранную воедино любовью Бога и озаренную красотой Святого духа».

Авангардист мысли, он своим творчеством смог показать, что «истина парадоксальна, как парадоксальна сама реальность бытия».

Флоренский, как и Леонардо, равновелик во многих областях знания – религиозный философ, историк, филолог, поэт, полиглот подобно Мезофанту, владевший латынью, греческим, кавказскими, многими европейскими и восточными языками. Он был выдающимся естествоиспытателем, инженером, физиком, оставившим тридцать патентов на изобретения, предвосхитившие открытия современных физиков, работающих над проблемами антимиров. Он стал одним из разработчиков плана ГОЭЛРО. Флоренскому прочили блестящее математическое будущее, он был одаренным ученым, учеником знаменитого Н.В.Бугаева, основателя Московского математического общества.

Павел Флоренский – историк искусства, прекрасно знавший грузинскую средневековую культуру, ее национальную архитектуру и иконопись. Философию культу

он исследовал на примере каменных скульптур из села Кавтисхеви (Восточная Грузия), чему посвятил свой труд «Обратная перспектива» - о природе и живописи с использованием теорем и теории множеств.

Один из создателей современного экологического мышления, Флоренский видел будущее человечества в единстве природы и человека. Его труды в этой области высоко ценил академик В.И.Вернадский.

Но, конечно же, отец Павел прежде всего был великий богослов, которым, по словам отца Александра Меня, «может гордиться любая цивилизация», и великий мученик, философское миропонимание которого «не совпадало с вульгарным толкованием коммунизма», который будущее мира видел в «чистоте духа и бытия» и в монархии как в «явлении божественного происхождения».

Отец Павел родился в семье Александра Флоренского, чьи предки происходили из духовного сословия. По окончании 1-ой тифлисской гимназии Александр Флоренский продолжил учебу в Санкт-Петербурге, в Институте инженеров путей сообщения, где познакомился с бестужевкой Ольгой Сапаровой, по материнской линии – Пааташвили. К тому времени Сапаровы переехали из грузинского городка Сигнахи в столицу – это была аристократическая и известная семья тифлисских армян. Вскоре Александр и Ольга поженились и создали семью, в которой не было различий по вероисповеданию или этническому происхождению, где царили взаимопонимание, взаимоуважение и любовь к ближнему. Это был поистине гармоничный брак.

Дом Флоренских был большим и гостеприимным, в нем постоянно и подолгу гостили друзья и родственники со своими семьями. Круг близких людей в разные годы пополнялся представителями как грузинской, так и русской интеллигенции – Г.Туманишвили, М.Асатиани, Г.Кониашвили, С.Троицкий, Ротиновы, Исаевы, Артамоновы...

После окончания института Александра Ивановича направляют на строительство железной дороги на Кавказ, в Евлах Елизаветпольской губернии (на территории современного Азербайджана).

22 января 1882 года у Флоренских родился первенец, которого назвали Павлом. Спустя несколько месяцев семья вернулась в Тифлис, где проживала на Давидовской улице, на склоне Святой горы (Мтацминда), на которой находилась православная Давидовская церковь. Здесь и был крещен и наречен в честь святого апостола Павла сын Флоренских. Позже семья переезжает в более просторный дом на Николаевской улице, 67 (ныне – Иванэ Джавахишвили), неподалеку от церкви Святого Александра Невского. Отец продолжает работать губернским инженером Закавказской железной дороги, состоит членом Технического совещания при Управлении главноначальствующего. По долгу службы приходится переезжать с места на место. В Кутаиси он живет на Гегутской улице, куда Павел часто приезжал и восхищался местными достопримечательностями. Развалины храма Баграта воодушевили его на изучение археологии, а святыня Гелатского монастыря – икона Хахульской Божьей матери, написанная евангелистом Лукой, перед которой он подолгу задерживался, - сподвигла на занятия историей искусства. Изучение древнегрузинской культуры во многом способствовало его углубленному изучению раннехристианской символики.

А.Флоренский отправляется строить Батум-Ахалцихскую железную дорогу. Павел неоднократно наве-

щает отца в Батуми, знакомится с памятниками культуры, и в 1899 году к письму сестре Лиле даже прилагает собственный рисунок строящегося в городе собора.

Батуми оставил глубокий и светлый след в душе Павла на всю жизнь. Он скучал по любимому городу в Соловках и признавался: «Ни одно место не оставило во мне столько теплых воспоминаний, как старый Батуми 80-х годов». А в уста герою своей лирической поэмы «Оро» вложил слова:

... Вечных дум
Предмет моих – родной Батум.
Шумит там море, и в волнах,
В их контрапункте слышен Бах,
Когда сардоник и агат,
Волной влекомые, гремят.

Лето семья проводит то в Боржоме, то в Коджори. Отец знакомил Павла с достопримечательностями, вечера были заполнены чтением и беседами – это осталось в его памяти на всю жизнь и позволило впоследствии написать: «Культура есть среда, растящая и питающая личность».

Характерной особенностью семейной атмосферы было бережное и уважительное отношение к детям, их интересам и склонностям, поэтому каждый из детей Флоренских сформировался в яркую индивидуальность – священник Павел, психиатр Юлия, натуралист и историк Александр, революционерка Елизавета, художница Ольга, военный инженер Андрей, иконописец Раиса.

Семья Флоренских в Тифлисе

Павел поступает во 2-ую тифлискую классическую гимназию (ныне в этом здании на улице Узнадзе расположено Министерство образования и науки Грузии), которую окончит с золотой медалью. Многогранность его интересов проявилась уже в детстве. «Страсть к знанию поглощала все мое внимание», - вспоминал он впоследствии.

В гимназии преподавали высокообразованные и требовательные педагоги. Павел был учеником седьмого класса, когда в гимназию пришел новый учитель Георгий Николаевич Гехтман. Именно Гехтман организовал в гимназии литературно-философский кружок,

Удзо. Фото П.Флоренского

участники которого обсуждали религиозные, философские и этические вопросы. В кружке Флоренский познакомился с запрещенной «Исповедью» Льва Толстого.

Благодаря талантливому учителю, в гимназии определился новый стиль взаимоотношений с учителем, проникнутый взаимным уважением и основанный на углубленном изучении интересных тем и проблем. Отношения с любимым педагогом ученики будут поддерживать долгие годы.

Друзьями Флоренского становятся его одноклассники по гимназии – Владимир Эрн и Александр Ельчанинов, впоследствии – выдающиеся деятели «русского религиозного ренессанса». Молодые люди путешествуют по Картли, Имеретии, Кахетии, Абхазии, Сванетии, посещают Владикавказ, поднимаются на Казбек и величественную вершину Цхра Цкаро возле Бакуриани (впоследствии здесь была основана станция по изучению космических лучей). Флоренский повсюду ведет записи, делает зарисовки и фотографирует. Вместе с друзьями Павел и потом будет ежегодно приезжать на каникулы в Грузию, которая оказала огромное влияние на их духовное становление.

Юный Павел Флоренский живет интенсивной внутренней жизнью. Летом 1899 года он испытал серьезный кризис в своем миропонимании. Хорошо известен факт, что в мучительных душевных поисках он обратился к идеям Л.Н.Толстого и даже собирался «идти в народ», как поступали многие молодые люди, увлеченные идеями толстовства. «Я ощущал и сознавал в себе метафизическую пустоту и происходящую отсюда смерть, - вспоминал П.Флоренский. - Кант и Шопенгауэр со стороны своего отрицания подходили к моему тогдашнему самочувствию, но казались дешевыми и поверхностными в своих положительных построениях. Гораздо ближе было страдание Толстого».

После двух месяцев размышлений, вернувшись в Тифлис, Павел сообщает отцу, который в то время работал в строительном управлении Кутаисского губернского правления и жил в Кутаисе, о своем решении начать новую жизнь. Кроме того, Павел решает обратиться за советом к самому Толстому. Рукопись этого письма сохранилась: «18 22/Х 99. Тифл. Л.Н.Толстому. Лев Николаевич! Я прочел Ваши сочинения и пришел к заключению, что нельзя жить так, как я живу теперь. Я кончаю гимназию, и мне предстоит продолжение жизни на чужой счет; я думаю, что избежать этого можно только при исполнении Ваших советов; но, для того, чтобы применить их на практике, мне надо разрешить предварительно некоторые вопросы: можно ли

пользоваться деньгами? Как добыть землю? Можно ли ее достать у правительства и каким образом? Каким образом удовлетворять умственные потребности? Откуда брать книги, журналы, если нельзя пользоваться деньгами или если физическим трудом можно только прокормиться? Может ли остаться время на умственный труд (самообразование)?» Надо полагать, что Павел так и не решился послать Л.Н.Толстому такое письмо. По крайней мере, в архиве писателя его следов не обнаружили.

От опрометчивых решений Павла уберечь отец. В своих воспоминаниях Флоренский пишет: «Решение пришло, откуда его не ждал. Источником же его стал тот скепсис в отношении человеческих учений и убеждений, которым был проникнут мой отец и который был

Павел Флоренский в лаборатории

впитан с детства мною».

Первые семнадцать лет жизни стали основой формирования личности Флоренского, его миропонимания и самоосознания – детство, проведенное в Грузии, на его духовной родине, впечатления от тех научных и художественных книг, на которых есть «отпечаток духовности», общение с преподавателями тифлисской гимназии, уроки которых запомнились на всю жизнь и которые он называл «увлекательными и интересными» (сестре он советовал «быть внимательной, особенно, к урокам преподавателя Гехтмана»), Черное море и Кавказские горы, столь любимые им, и, безусловно, беседы и переписка с первым другом и советником – отцом, Александром Ивановичем. Неслучайно в Соловках отец Павел вспоминает «голоса Черного моря и ритм волн», «теплое море детства, созерцание его свободной стихии, и бесконечное богатство красок»...

Принципы и традиции тифлисского дома Флоренских, культ семьи, родовые ценности, прививаемые с детских лет, воплотились в последующих размышлениях отца Павла. В основе его труда «Философия культа» лежит идея родовых взаимосвязей. Семью, род он считал единым организмом, имеющим целостный образ, являющийся предпосылкой понимания мира. Поэтому в своем «Завещании» он запишет: «Главное же, мне хотелось бы, чтобы дом оставался долго в нашем роде, чтобы под крылом Преподобного Сергия вы, и дети, и внуки ваши долго-долго имели крепость и твердую опору. Не забывайте рода своего, прошлого своего, из-

учайте дедов и прадедов, работайте над укреплением их памяти».

С окончанием гимназии окончилось отрочество и завершился период формирования взглядов и принципов. Осенью 1900 года Флоренский поступает на физико-математический факультет Московского университета. Он специализируется по математике, а параллельно изучает философию. Университетскую среду вначале находит «несимпатичной», она отличается от той, в которой он вырос, и Павел считает себя «изгнанником из отечества» - «знакомых у меня тут новых нет. Все старые тифлиские». Он общается с одноклассниками по тифлисской гимназии, вместе с В.Эрном живет в общежитии студентов имени Николая Второго. Позже к ним присоединяется А.Ельчанинов. По совету отца Павел переводит «немецкое евангелие», занимается греческим, читает произведения античных авторов, находя в них «особенный оттенок и гармоничность». Его серьезное увлечение учением Платона отразится в сочинении «Платоновое измерение». Позже выдающийся философ, профессор А.Ф. Лосев напишет, что Флоренский «дал концепцию платонизма, по глубине и тонкости превосходящую все, что я читал о Платоне».

Увлечение математикой, интерес к которой ему привили в тифлисской гимназии, усиливается благодаря лекциям Н.В. Бугаева: «То, что я хотел еще со 2-го класса от математики, я теперь начинаю мало помалу получать, и вполне уверен, что получу больше, чем ожидал и надеюсь».

С большим интересом Павел слушает лекции С.Н.Трубецкого по древней философии, посещает лекции историко-филологического факультета, увлеченно осваивает курс по истории искусств и начинает работать над кандидатской диссертацией, в основе которой – синтез математики и философии, где математика является ключом к мировоззрению, при котором «нет надобности намеренно или бессознательно игнорировать целые области явлений, урезывать и достраивать действительное, а религия получает совершенно особенный смысл и находит соответственное место в целом, которого она была лишена раньше».

В 1904 году публикуется его труд «О символах бесконечности» - первый в России труд по теории множеств.

После окончания университета Флоренскому предлагают остаться читать лекции, но карьера математика не привлекала молодого мыслителя. Павел был по-настоящему религиозным человеком, поэтому он задумывается о принятии монашеского пострига. Однако духовный отец не благословил его на этот путь, и Павел поступает в Московскую духовную академию в Сергиевом Посаде, следуя советам епископа Антония Грузинского, с которым познакомился в Донском монастыре – Пантоне грузинских деятелей в Москве, и старца Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры иеромонаха Аввы Исидора Грузинского (в письме к матери Павел писал: «хотел навещать своего старца Исидора. Пошел к нему с недоумением, а вернулся легко и радостно, с силами»).

Будучи студентом первого курса Духовной академии, он скажет Д.Мережковскому: «Я должен быть в православии и бороться за него. Если вы будете нападать на него, то я буду бороться с вами».

Флоренским движет желание «произвести синтез церковности и светской культуры». Епископ Антоний и старец Исидор станут его духовными наставниками. Им он посвятит свой труд «Соль земли», который предварил «Предуведомлением к благочестивому брату-читателю»: «Всему можно удивляться в нем – любви, кротости и

смирению; нелицеприятию, прямоте и независимости; неприязательности, бескорыстию и бедности; ясности, мирности, духовности; наконец, молитве. Но еще более того изумляет его надмирность. Был в мире, - и не от мира; был с людьми, - и не как человек. Он не брезгал никем и ничем, но сам – был выше всего, и все земное никло и жалко повисало пред его тихой улыбкой. Своим взором он изничтоживал все человеческие условности, ибо был над миром, - был свободен высшею, духовною свободою».

Внук отца Павла игумен Андроник (Трубачев), исследовавший его жизнь и творчество, подчеркнет, что «сочетание руководств двух старцев, ученого богослова святителя епископа Антония Грузинского и иеромонаха Аввы Исидора дало для творчества П.А.Флоренского тот характерный духовный аромат, по которому легко узнаются строки его книг. В жизненном пути эти два духовника составили для него ту единственную благодатную почву, вне которой он, при исключительных дарованиях, мог не устоять... С кончиной отца Исидора безвозвратно ушла полоса духовного вскармливания П.А.Флоренского». В «Завещании» отец Павел просит не забывать в молитвах, что «милосердие Божие, Покров пречистой Девы, а также молитвы иеромонаха Исидора и епископа Антония не оставляли нас».

В академии Павел знакомится с Сергеем Троицким, сыном настоятеля храма Воскресения Словоущего в селе Толпыгино Костромской губернии. С «задушевным другом Сереем» они живут в одной келье Свято-Сергиева монастыря, часто и надолго уезжают в Толпыгино, где Павел открывает для себя красоту русской природы и незнакомую жизнь русских крестьян... В душе Флоренского вновь зреет сокровенный замысел о монашестве, но на этот раз он надеется реализовать образ «апостольской двоицы». Однако летом 1907 года, перед принятием решения «хождения монахов по два», Павел привез Сергея Троицкого в свой дом в Тифлисе, и замыслу не суждено было осуществиться. В семье друга Сергей встретил его сестру Ольгу. Встреча перевернула жизнь Сергея. Он отказывается от своих планов и переезжает в Тифлис, чтобы быть рядом с Ольгой, работает преподавателем в 1-ой мужской гимназии. Вначале Павел относится к этому как к временному явлению и ждет возвраще-

М.Нестеров. «Философы»

ния друга. Но в 1909 году Сергей и Ольга обвенчались.

В 1908 году Флоренский пишет сочинение «О религиозной истине», которое легло в основу его магистерской диссертации. В 1911 году он был рукоположен в сан диакона, а позднее – в сан священника. В 1912 году отец Павел начал служить в Сергиево-Посадской церкви, а через два стал магистром богословия и профессором академии.

В 1911 году, незадолго до принятия сана священника, Флоренский женится на сестре своего друга Анне Гиацинтовой. (У них было три сына, две дочери, 12 внуков, 24 правнука. Среди его потомков есть и ученые, и предста-

ственных имен и фамилий, Флоренский публикует труд «Об имени Божьем», в котором подчеркивает, что «в имени Божьем присутствует сам Бог – всем Своим существом и всеми Своими бесконечными свойствами». Слово, по мнению Флоренского, сводит человека лицом с реальностью. В имяборчестве философ видел стремление к разрушению символов, аналогичное древнему иконоборчеству. При написании труда П.Флоренский использовал основные сентенции книги «На горах Кавказа» схимонаха Иллариона, старца-подвижника, подчеркивавшего, что спасительность молитвы Иисусовой – в привитии сладчайшего Имени Иисусова, а оно Божественно, оно – сам Иисус, ибо имя неотделимо от именуемого».

После Февральской революции 1917 года Флоренского отстранили от редактирования журнала «Богословский вестник», с которым он сотрудничал с 1912 года. В 1918 году была закрыта Московская духовная академия, а в 1921 году – и Сергиево-Посадский храм. Лишенный возможности исполнять священнические обязанности, П.А.Флоренский начинает одновременно заниматься самыми разными делами – работает в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, участвует в работе византийской секции Московского института историко-художественных изысканий и музееведения, начинает исследовательскую работу в Главэлектро ВСНХ РСФСР, создает лабораторию в Государственном экспериментальном электротехническом институте, пишет и публикует работы по электротехнике, искусствоведению, музейному делу. В 1921-1924 гг. Флоренский был профессором ВХУТЕМАСа. Владимир Маяковский написал о нем: «Во ВХУТЕМАСе – Флоренский в рясе». Действительно, Флоренскому позволяли ходить на работу в священническом подряснике, ведь его научную деятельность поддерживал сам Лев Троцкий. Возможно, именно эта поддержка и сыграла в его судьбе роковую роль.

В 1928 году Флоренского отправляют в ссылку в Нижний Новгород, откуда он возвращается благодаря ходатайству Е.П. Пешковой, жены А.М. Горького. У него еще есть возможность уехать с семьей в Прагу (Флоренскому дважды предлагали выехать из страны), где уже обосновалась русская эмиграция. Но отец Павел остается в России, потому что «научился благодущию, когда твердо узнал, что жизнь и каждого из нас, и народов, и человечества ведется Благою Волею, так что не следует беспокоиться ни о чем, помимо задач сегодняшнего дня».

Между ссылками отец Павел привозил семью в Тбилиси, объясняя: «Постигая внутреннюю глубину оторгнутого от себя объекта», воссоединяешься «с внутренними святынями и преданиями путем духовного самопознания»...

После возвращения из ссылки против Флоренского разворачивается клеветническая кампания, и в 1933 году он вновь арестован и осужден на 10 лет заключения. Ученого отправляют в научно-исследовательский отдел Бамлага, где он разрабатывает технологию строительства в условиях вечной мерзлоты, по которой через несколько десятков лет построят Норильск и Сургут. Затем отца Павла переводят на Соловки, где он совершает более десятка научных открытий, в том числе находит способ получения из морских водорослей агар-агара и йода. И все-таки десять лет лагерей заменяют расстрелом. 8 декабря 1937 году П.А. Флоренский был расстрелян по приговору особой тройки УНКВД Ленинградской области. В 1959 году он был реабилитирован за отсутствием состава преступления.

За полгода до своего трагического конца отец Павел написал жене: «Жизненная задача – не в том, чтобы прожить без тревог, а в том, чтобы прожить достойно и не быть пустым местом и балластом своей страны».

Медея АБАШИДЗЕ

«История – это опытное поле для борьбы добра и зла»... Почему слова, которые Осип Мандельштам часто повторял своей жене, вспоминаются именно на этой улице, именно у этого дома? Наверное, потому, что они имеют прямое отношение и к тому, чье имя носит улица, и к тому, кто построил этот дом, и к тем, кто обитал или бывал в нем.

Улица названа в память об Иване Мачабели – замечательном литераторе и общественном деятеле, чьи переводы Шекспира и по сей день используются в репертуаре знаменитого Руставелиевского театра. А его либретто к опере «Витязь в тигровой шкуре», вообще, было создано по личной просьбе русского композитора Михаила Ипполитова-Иванова. В далеком 1898-м этот человек, сделавший немало добра для своей страны, ранним утром вышел из дома на чей-то зов и до сих пор считается без вести пропавшим. Особняк же, под номером №13 по улице Мачабели, где мы остановились, когда-то был построен Давидом Сараджишвили, о котором до сих пор ходят легенды. Он вошел в историю не только как создатель грузинского коньяка, поставщик двора Его Императорского Величества, но и как благотворитель-меценат широчайшей души. Тысячи простых людей из разных районов Грузии добирались в 1911 году до Тифлиса на его похороны, чтобы попрощаться с человеком, оставившим о себе столь добрую славу. Однако, 27 лет спустя, зло сказало свое слово: останки филантропа и его жены «строители нового мира» выселили на городское кладбище из Дидубийского пантеона, который должен был стать «идеологически выдержанным». И «фабрикантам» там было не место. Но времена снова изменились. И, в 1995-м, в очередной раз доказав, что у них хорошая память, тбилисцы перезахоронили легендарного

Особняк Давида Сараджишвили

«Завлекают в Сололаки стертые пороги...»

Литературные страницы старого района

вители духовенства, которые ныне живут как в России, так и в Грузии). Кстати, одну из своих дочерей отец Павел назовет именем героини «Витязя в тигровой шкуре». «Читаешь ли ты эту поэму? – писал он в одном из писем. – Ведь я назвал тебя Тинатин под впечатлением именно Руставели. Она мне очень близка по времени своего написания, всему складу мировоззрения и местному колориту».

В 1908-1919 гг. Флоренский создает ряд оригинальных и глубоких сочинений по истории философии, культуры и культа. Главной его работой стал двухтомный труд «Столп и утверждения истины. Опыт православной теодицеи», который сразу получил широкую известность и по сей день считается шедевром православной теологии (а в Европе – и экзистенциальной философии), и Флоренский стал почитаться как крупный религиозный мыслитель.

В период, когда большевики начали кампанию массового переименования городов и улиц, изменения соб-

Гостиная в доме Сараджишвили

земляка в самом центре своего города – во дворе Кашутской церкви. Которая, кстати, построена, в основном, на деньги Сараджишвили. Так подтвердились слова Акакия Церетели о том, что «Давид заслужил любовь своего народа своей же, щедро отданной любовью».

Ну, а сам Акакий, вместе с другими писателями, общественными деятелями, художниками часто бывал в доме Давида Захарьевича – любимом месте счастливых встреч грузинской интеллигенции. Да и кто только не почитал за честь оказаться в гостях у достойнейшего представителя этой интеллигенции, доктора химических и философских наук. Да что там – в гостях! Приглядимся к одной из первых реклам коньяка Сараджишвили и убедимся: известному фотографу Александру Роинашвили позирует не какая-нибудь модистка, а красавица-княжна Бабо (Варвара) Багратион-Давиташвили. Между прочим, младшая сестренка жены... все того же Иванэ Мачабели. И кто мог предположить тогда, что именно его имя, через десятилетия, будет носить Сергиевская улица, на которой стоит дом Сараджишвили? Но со сколькими, приходившими сюда, судьба поступила не менее жестоко, чем с Мачабели или Ильей Чавчавадзе! Впрочем, борьба добра и зла не обошла и сам этот уникальный дом.

Сегодня его уникальность в том, что, в отличие от остальных сололакских домов, мимо которых мы проходили, он... в отличном состоянии. Он отремонтирован! А в начале прошлого века, когда respectableм видом особняков в этом районе удивлять было некого, он выделялся как один первых образцов модернизма в зодчестве Тифлиса. Современники восхищались его волнистыми фронтонами, мансардой, консолями, орнаментом из раковин и растений. А помимо роскошных спален и кабинетов, приемных и гостиных, был еще и сад с источником, к которому вели ступени с широкой каменной террасы перед парадным залом. Не случайно, именно здесь грузинская общественность в 1914-м принимала Николая II во время его единственного кавказского «турне». Но это – к слову. Главное, что творение немецкого

архитектора Карла Цаара помнит немало счастливых часов, пережитых замечательными людьми, в том числе, и гостями из России. Увы, как и в жизнь людей, эпоха внесла в его жизнь свои жесткие коррективы.

В газете «Русское слово» за июль 1911 года – информация под заголовком «Щедрый дар». Читаем: «После панихиды вдова Сараджева заявила городскому голове, что, по воле покойного, она приносит в дар городу роскошный особняк на Сергиевской улице со всей обстановкой... В доме Сараджева собрано много картин кавказских художников. Ценность дара исчисляется в полмиллиона рублей». А ведь, в самом деле, Сараджишвили завещал свой дом грузинским писателям, причем, в вечное пользование. Сегодня председатель Союза писателей Грузии Маквала Гоншвили утверждает: вдова, все-таки, выставила дом на продажу. Но главное не в деталях, а в том, что добро, несмотря ни на что, восторжествовало: другой меценат – Акакий Хоштария выкупает особняк и передает права на него писателям, назначив комендантом не кого-нибудь, а Паоло Яшвили. Однако владеть таким

зданием – еще не значит быть счастливым. Мог ли предположить человеколюб Сараджишвили, что в завещанных им помещениях в недоброй памяти 1930-х будут строчить доносы на соратников по перу, а собрания в Союзе писателей превратятся в судилища, решающие судьбы «идеологических противников»? Или, что уже в XXI веке литераторы несколько лет будут бороться с властями, решившими отобрать у них здание? Да, в итоге, добро победило, но сведет ли это на нет все то зло, которое, как говорится, имело место быть?

Ну, а мы, подойдем к порогу красивого дома на Мачабели, чтобы повидать автора слов, с которых начата эта страница. Уж, в его-то судьбе зла хватало и, в конце концов, оно отняло у него жизнь. Но Тбилиси может гордиться тем, что особняк на одной из его улиц дарил великому поэту России только добро. Тем более что первое появление Мандельштама в Грузии, а точнее в Батуми, было встречено отнюдь не гостеприимно. А ведь эта страна вошла в его жизнь, можно сказать, заочно – встречами в Петербурге с грузинскими красавицами-княжнами, которыми он посвящал стихи. Первая – Тинатин Джорджадзе, жена придворного церемониймейстера Сергея Танеева. Вторая – «Соломинка», как назвал ее влюбленный Мандельштам, Саломея Андроникашвили, покоровшая столько сердец! Эти женщины оставили в душе поэта такой след, что на крымском берегу в Коктебеле он грезил другим берегом Черного моря – грузинским, повторяя: «Золотое руно, где же ты, золотое руно?» Но между мечтами и реальностью, как известно, дистанция огромного размера. Мандельштам с братом ступают на землю золотого руна через четыре года после этих грез, в сентябре 1920-го, и сразу оказываются в... карантине Батумского особого отряда. В Осипе Эмильевиче заподозрили шпиона, причем, двойного – и врангелевцев, и большевиков. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы об этом не узнали отдохавшие в Батуми поэты Тициан Табидзе и Нико Мицишвили. Они не только смогли вызволить узника (в то время у поэтов еще были такие возможности!),

но еще и организовали его вечер в местном «Обществе деятелей искусств».

Тифлис же компенсировал гостю батумский прием на все сто процентов. Новые друзья «двойного шпиона» Тициан Табидзе и Паоло Яшвили проявили гостеприимство в таких масштабах, что, случайно встретив на Головинском проспекте растерявшихся в незнакомом городе Илью Эренбурга с женой, Мандельштам, ничтоже сумняшеся, объявил: «Сейчас мы пойдем к Тициану Табидзе, и он нас поведет в замечательный духан...» Потрясенный Эренбург потом вспоминал: «Каждый день мы обедали, более того, каждый вечер ужинали. У Паоло и Тициана денег не было, но они нас принимали с роскошью средневековых князей». Однако надо ли говорить, что одними духанами в Тифлисе того времени для поэтов дело ограничиться не может? Творческая жизнь бьет ключом, дополнительный напор которому придают, говоря нынешним языком, звезды литературы, живописи, музыки, приехавшие из беспокойной и голодной России. И Мандельштам вполне естественно входит в эту жизнь на обе недели своего пребывания. Вот он на сцене консерватории, где проходит его совместный с Эренбургом вечер. А вступительное слово о новой русской поэзии там произносит замечательный писатель Григор Робакидзе, впоследствии, как и Мандельштам, запрещенный советской властью, но, в отличие от него, успевший вовремя эмигрировать. Вот Мандельштам проводит занятия с актерами в «Театральной студии Ходотова». Вот спорит с Алексеем Крученых, Анной Антоновской, Сергеем Рафаловичем и другими на вечерах в тифлисском «Цехе поэтов», созданном Сергеем Городецким по образцу петербургского. Можно его встретить даже в журнале с интересным названием «Искусство и промышленность». Там, как свидетельствует Константин Паустовский, он предлагает написать исследование о вывесках Москвы, навеянное картинами Нико Пиросмани. А еще, конечно же, были нескончаемые прогулки по Тифлису, который своими улочками, балконами, храмами, базарами, погребками, шумным людом, казался городом из «Тысячи и одной ночи» ...

Интересно, что, как Грузия встретила Мандельштама вооруженной охраной, так ею же и проводила его. Но уже под «крышей» весьма уважаемой дипломатической должности и не на обычном транспорте, а на... бронепоезде. Полномочное представительство РСФСР в Тифлисе дает статус дипкурьеров супругам Эренбург и братьям Мандельштам, а МИД Грузинской Демократической Республики снабжает «командированных в Москву» соответствующими пропусками. Что ж, без этого, наверное, нельзя было рассчитывать на быстрое возвращение домой в обход бумажной волокиты и весьма вероятных новых недоразумений на границе. «...Мы были первыми советскими поэтами, которые нашли в Тбилиси не только душевный отдых, но романтику, ощущение высоты, толику кислорода, - делится Эренбург и от имени Мандельштама. - Без Кавказа трудно себе представить русскую поэзию: там она отходила душой, там была ее стартовая площадка... А еще стоит посмотреть, как Осип Эмильевич получает в России продуктовую посылку от американской благотворительной организации «АРА», в голодные годы поддерживавшей деятелей культуры и ученых. По воспоминаниям Михаила Пришвина, он расписался в получении... на грузинском языке. Лучшей характеристики впечатлениям от Грузии и не придумаешь.

Давид Сараджишвили

Похороны Д.Сараджишвили

Но еще интересней увидеть, как сололакский дом принимает Мандельштама в 1921 году, во время его второго, самого длительного пребывания в Грузии. Появление здесь поэта с женой Надеждой истинно потрясает. Мало того, что они прибывают на полугрузовом автомобиле, которых в городе тогда было раз, два – и обчелся. За рулем машины, промчавшейся по центру Тифлиса, сидит...негр. Надежду Яковлевну сие тоже потрясло, пожалуй, даже не меньше событий, приведших к переезду в Сололаки. А события эти, в другом старинном районе – Вере, мягко говоря, неприятны. Мандельштамы жили у знакомого из Москвы, во дворике на углу Гунибской (ныне – Барнова) и Кирпичной (ей с переименованиями особенно повезло: сначала целиком – Белинского, а ныне – частью Човелидзе, а частью – Схиртладзе). Но это – так, для справки тем, кто

Иванэ Мачабели

захочет пройтись по памятным литературным местам. И все было у Мандельштамов по-доброму, пока не явилось зло в лице советской власти, которая в том году уже установилась в Грузии.

Весь квартал за несколько часов выселяется по какой-то, очень важной государственной надобности. Надежда Яковлевна признавалась, что в Киеве она уже видела, как за одну ночь чекисты обыскали целый город, «изымая излишки». Но тифлисское «массовое организационное действие» просто ошеломило ее. Правда, в кутузку никого не увозят – верийцам раздают уже приготовленные ордера на новое жилье, а Мандельштамы, когда приходит их очередь, могут назвать только «Дом искусств», как именовалось тогда здание Союза писателей. Вещи кидают в кузов машины (не будет же столь уважающая себя организация, как ЧК, развозить выселенных на арбах!). И шофер, которого, исходя из нынешней толерантности, вообще-то, следует именовать афрогрузином, подъезжает к бывшему особняку Сараджишвили. Ну, а там, как мы помним, комендантом Паоло Яшвили. К тому же, он и Тициан живут с семьями на втором этаже. И Надежда Яковлевна на всю жизнь запомнила, как он, «великолепным жестом приказал швейцару отвести нам комнату... и швейцар не посмел ослушаться – грузинские поэты никогда бы не позволили своему русскому собрату остаться без крова».

В общем, без всякого разрешения властей приезжая чета поселяется в одном из небольших кабинетов этого дома. Еще сохранившаяся со старых времен прислуга возмущена этим и периодически бегаёт жаловаться в народный комиссариат просвещения. И, заручившись очередным предписанием «не пущать», пытается выполнить его. Итог таких попыток описывает Надежда Мандельштам: «Тогда с верхнего этажа спускался Яшвили и, феодальным жестом отшвырнув слугу, пропускал нас в дом. Мы протерлись там около месяца». И надо признать, что это – самое плодотворное время для Мандельштама в Тифлисе. Именно в «Доме искусств» родилось стихотворение, считающееся переломным в его творчестве – «Умывался ночью на дворе». Современники увидели в нем «новое мироощущение возмужавшего человека». Однако это произведение примечательно

еще многим. Во-первых, оно навеяно гибелью близкого друга Николая Гумилева, о которой сообщил тифлисский одноклассник расстрелянного поэта, полномочный представитель РСФСР в Грузии Борис Легран. Во-вторых, оно основано не на сочиненном ради романтики «восточном колорите», а на реальном тифлисском быте – водопровод в роскошном здании не работает, и все умываются привозной водой, из огромной бочки во дворе. Ну, а самое главное, оно удивительно перекликается со стихотворением Анны Ахматовой «Страх», тоже посвященным смерти Гумилева. Судите сами, дорогие читатели. Вот строки Мандельштама:

Умывался ночью на дворе.
Твердь сияла грубыми звездами.
Звездный луч – как соль на топоре.
Стынет бочка с полными краями.

На замок закрыты ворота,
И земля по совести сурова.
Чище правды свежего холста
Вряд ли где отыщется основа.

Тает в бочке, словно соль, звезда,
И вода студеная чернее.
Чище смерть, солонее беда,
И земля правдивей и страшнее.

А вот – начало стихотворения Ахматовой:

Страх, во тьме перебирая вещи,
Лунный луч наводит на топор.
За стеною слышен стук зловещий –
Что там, крысы, призрак или вор?

В первых строках поэтов, разделенных огромным расстоянием – один и тот же образ луча на топоре! У Ахматовой он родился в конце августа, а в печатном виде появился в октябрьском номере петроградского журнала «Записки мечтателей». У Мандельштама луч лег на топор осенью, напечатано же стихотворение в декабре, в тифлисской газете «Фигаро». Что это – фантастическое совпадение мыслей двух гениев или же Мандельштам как-то смог прочесть ахматовские строки и откликнуться на них? В те времена питерский журнал вряд ли мог попасть в Грузию за столь короткий срок после выхода в свет. Но вполне возможно, что «Страх» в списках дошел до обширных литературных кругов Тифлиса, в которых всю жизнь вращался Мандельштам. Противники же этой «приземленной» версии, которых немало среди литературоведов, спорящих до сих пор, приводят строки из письма Мандельштама Ахматовой: «Знайте, что я обладаю способностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми: с Николаем Степановичем (Гумилевым – В.Г.) и с Вами. Беседа с Колей не прерывалась и никогда не прервется»...

Однако посмотрим, чем еще занимается Мандельштам в этом особняке. Главное, пожалуй – переводы. Он открывает для себя Важа Пшавела и переводит его по подстрочникам Паоло и Тициана. Да и самого Табидзе перевел вместе с другими «голубороговцами» - Валерианом Гаприндашвили, Нико Мицишвили и Георгием Леонидзе – для первой русской антологии «Поэты Грузии», изданной в Тифлисе в конце 1921 года. Еще – переводы Иосифа Гришашвили, а с армянского – Акола Кара-Дервиша. Но, при всем этом, на террасах «Дома искусств» Осип Эмильевич яростно спорит со своими друзьями,

осуждая символизм. Он искренне недоумевает, почему «голубороговцы» живут образами, связанными с европейской литературой, призывая их обратиться к корням Грузии, где «старое искусство, мастерство ее зодчих, живописцев, поэтов, проникнуто утонченной любовью и героической нежностью». Дело доходит даже до разборок на уровне «А кто ты такой, чтобы нас учить?» и клятв именем Андрея Белого «уничтожить всех антисимволистов». Ничего не поделаешь, поэты – народ, пылкий во всем... Но были, конечно же, у Мандельштама и не менее увлекательные занятия. Ведь за полгода жизни в Грузии он активно писал в местные газеты, выступал на различных диспутах и вечерах, преподавал в театральной студии и даже вступил в Союз русских писателей Грузии. Да, была тогда и такая писательская организация, мы можем прочесть расписку Мандельштама о получении денежного пособия от нее. Словом, гость уже настолько становится своим в литературном мире Грузии, что, открыв петроградский «Вестник культуры», увидим примечательную «утку»: «Поэт О. Мандельштам переехал в Тифлис».

На деле же, все иначе. «Комиссары, убедившись, что примитивно – ручным способом – выгнать нас нельзя из-за сопротивления Яшвили, дали нам ордер на какую-то гостиницу с разбитыми стеклами», - вспоминает Надежда Яковлевна. И вскоре, выпив вина с соседями-милиционерами (Тбилиси во все времена – Тбилиси!), Мандельштамы через Батуми уезжают из Грузии. Чтобы вернуться почти через 9 лет. Этот их приезд на Южный Кавказ в 1930-м посвящен, в основном Армении. Дожидаясь вызова туда, поэт с женой шесть недель проводят в Сухуми, на правительственной даче. И вновь, именно

Осип Мандельштам

в добрейшей к ним атмосфере Грузии, их настигает отголосок зла, весть о гибели еще одного большого русского поэта, на этот раз Владимира Маяковского. Вообще, в Армении чета пробыла с начала лета до осени, Тифлис же предшествует этой поездке, а потом венчает ее. Нельзя точно сказать, бывал ли снова Мандельштам в столь памятном ему сололакском особняке. Скорее всего – да, ведь он вновь встречался с местными писателями, вел переговоры о работе в архивах. Гораздо важнее другое: в тот его приезд Тифлис делает огромное дело не только для самого поэта, но и для всей мировой литературы – впервые после 5-летнего перерыва Мандельштам снова начинает писать стихи. Это – не только цикл об Армении, но и совсем небольшое

стихотворение:

Куда как страшно нам с тобой,
Товарищ большепотый мой!

Ох, как крошится наш табак,
Щелкунчик, дружок, дурак!

А мог бы жизнь просвистать скворцом,
Заесть ореховым пирогом...

Да, видно, нельзя никак.

Литературоведы признали его шедевром и посвящают сотни страниц расшифровке образов. Установлено, что оно обращено к жене, которую Мандельштам во многих письмах называл «большепотиком» и «птенцом». Вспоминают, что его самого под именем Щелкунчик зашифровал в «Траве забвения» Валентин Катаев. Но для читателей этой страницы, пожалуй, более ценна другая конкретика. Словом «товарищ» на правительственной даче в Сухуми супруги «ответработников» обращались к своим мужьям. Жена Мандельштама смеялась над этим, а он сказал: «Нам бы это больше пошло, чем им». «Ох, как крошится наш табак» - картинка того, что творилось тогда в Тифлисе: исчезли многие промтовары, и приходилось курить бракованные папиросы. А ореховый торт был подарен Надежде Яковлевне на именины... Мандельштам признавался, что после пяти лет поэтического молчания, именно это стихотворение, навеянное и жизнью тогдашней Грузии, «пришло» к нему первым и «разбудило» его.

В поэзии Мандельштама, которая с тех пор не «засыпала», Тифлис, Грузия остались жить до самого трагического конца поэта. Он вспоминал их и в ссылках после первого ареста, писал о них новые строки, оттачивал уже написанное. В своей последней обители – в царстве зла пересыльного лагеря под Владивостоком – Мандельштам мог бы услышать отголосок из прежней жизни. Ведь там же оказался и знаменитый художник Василий Шухаев, а им было что вспомнить. Нет, не о грузинской столице – ее жителем Василий Иванович стал лишь после возвращения из этой ссылки. Но именно он создал самый известный и самый красивый портрет той «Со-

Надежда Мандельштам

ломинки» - Саломеи Андроникашвили, в которую был когда-то влюблен Осип Эмильевич... Встретиться им не довелось, но однажды Шухаеву дали самокрутку из бумаги со стихотворением Мандельштама. Быть может, в лагере 3/10 «Вторая речка» зеки скурили и строки, посвященные Тифлису.

Владимир ГОЛОВИН

ОНИ ЖИЛИ БАСКЕТБОЛОМ

Джорджикия Нодар Константинович родился 15 ноября 1921 года в Кутаиси. Заслуженный мастер спорта СССР (1952). Выступал за команды ТГУ – «Наука» (до 1941), ТОДО (1944-1949), тбилисского «Динамо» (1950-1955). В 1947-1953 входил в сборную команду СССР. Серебряный призер Олимпийских игр 1952. Чемпион Европы 1947. Пятикратный чемпион СССР (1944, 1946, 1950, 1953, 1954). Серебряный призер чемпионата СССР 1945, бронзовый – 1952. Двукратный обладатель Кубка СССР (1950, 1951). Победитель Всемирных студенческих игр в Будапеште (1949). Награжден орденами «Знак Почета», Вахтанга Горгасала III степени и Чести.

Тбилисское «Динамо» - чемпион СССР 1950 г. Первый ряд: С.Тортладзе, Г.Рухадзе, Л.Инцкирвели, Ш.Корнашвили. Второй ряд: Г.Авалишвили, О.Коркия, Д.Годзиашвили, Н.Джорджикия, В.Жгенти, Д. Нижарадзе.

История приобщения к спорту многих именитых спортсменов знает немало курьезов.

Но этот – из ряда невероятных. Нодар Джорджикия, один из самых ярких советских баскетболистов всех времен и составов, начинал путь в спорте в команде Тбилисского государственного университета имени И.В.Сталина. В конце тридцатых годов, когда футбольный бум увлекал страну, не избежал его и Нодар, который только поступил на филологический факультет, на его отделение русского языка и литературы. Не показавшись он вначале баскетбольному тренеру Шалве Диасамидзе, с которым потом их связывала многолетняя дружба, скрепленная фанатичной любовью к баскетболу и литературе. Только по рекомендации друзей – Зураба Джапаридзе и Амираана Барнова – Нодара зачислили в девятую баскетбольную команду ТГУ.

Уже тогда он отличался необыкновенным трудолюбием на тренировках, дневал и ночевал в спортивном зале, а потому расстояние до первой команды вуза пробежал за один учебный год.

Помню, как пришел я в середине ноября 2001 года в дом Джорджикия поздравить патриарха баскетбола с 80-летием. Спрашиваю Нодара Константиновича, с кем он учился, с кем встречался в университете,

знаком ли был с Булатом Окуджавой и замечаю, как нелегко ему говорить о той предвоенной поре. Булат Шалвович был тремя годами младше, а ровесников Нодара, его однокурсников выкосила война. И сам он, уйдя с третьего курса в Сухумское пехотное училище, до окончания войны не снимал военную шинель, и среди наград, которых удостоен выпускник высших офицерских курсов, есть и боевые, их он заслужил на Северном Кавказе.

Война внесла свои коррективы в жизнь, ломая судьбы поколений.

В сорок четвертом, уже демобилизованный Нодар Джорджикия, выступая за команду ТОДО, удостоился своей первой золотой медали чемпиона страны, как и Лев Дзеконский, Сурен Оганезов, Борис Саркисов, Михаил Филиппов, Шура Вачадзе, Саша Ермаков... Через два года команда ТОДО во второй раз стала сильнейшей в стране. Еще три золотые медали чемпионатов СССР Джорджикия связаны с тбилисским «Динамо», как и две победы в розыгрышах Кубка СССР.

Все они приходится на начало пятидесятых, золотую пору грузинского баскетбола, который уже в те годы насчитывал немало талантов, подлинных звезд. И одной из самых ярких был он, вернувшийся после войны

в университетские аудитории.

Нодар вырос в интеллигентной семье: отец – Константин Иванович, выпускник сельскохозяйственной академии в Бордо и филологического факультета Парижского университета, посвятил себя педагогической деятельности, восемь лет был директором знаменитой тбилисской первой школы; мать – Нино Микеладзе закончила Институт благородных девиц в Петербурге. В семье всегда были почитаемы литература, искусство, музыка; в числе друзей дома – выдающиеся деятели грузинской культуры и науки, многие из них приходились родственниками.

Не в этом ли нравственном воспитании секрет обаяния личности Нодара Джорджикия – интеллектуала на спортивной площадке и вне ее?

Он переживал свое временное отлучение от учебы, ради нее готов был отступить от любимого спорта, о чем сказал ректору университета. Нико Кецховели, большой ученый и патриот, такой жертвы не принял и сделал все возможное, чтобы две пламенные страсти Нодара прекрасно уживались, он продолжил учебу на юридическом факультете.

Нодар Джорджикия

Уже в 1947 году Нодар вместе с Отаром Коркия, лидером его поколения, наделенным наряду с необыкновенными физическими данными врожденными качествами вожака, участвует в составе сборной СССР в чемпионате Европы и выигрывает первое место. По окончании чемпионата, по опросу французской спортивной газеты «Экип», старшие тренеры команд-участниц назвали состав символической сборной континента. Из советских баскетболистов в нее вошли москвич Евгений Алексеев, тбилисцы Нодар Джорджикия, Отар Коркия и каунасец Иоанн Лысов.

В Праге случилась история, которая имела тяжелые последствия для Нодара. Уже по окончании чемпиона-

Отец - Константин Джорджикия

Нодар с мамой Ниной Микеладзе

С супругой Зулейкой Нижарадзе

та подошла к нему и Коркия девушка-грузинка и пригласила отобедать у них дома – отец, большой почитатель спорта, по причине болезни не мог посещать игры и был бы рад принять у себя земляков-чемпионов. Об этом приглашении они предупредили входившего в состав спортивной делегации представителя органов. Этот обед имел свое продолжение. Нодара сделали на многие годы невыездным, вывели из состава сборной.

Только в 1951 году Джорджикия снова призвали в главную команду страны, он участник Хельсинкской олимпиады.

Из Хельсинки они вернулись с серебряными медалями. Много это или мало?

Нодар Джорджикия считал, что команде было по силам большее. Не повезло с тренерским составом. Был он откровенно слаб. Главный просчет в процессе подготовки к Олимпиаде, на его взгляд, заключался в том, что не было у тренеров опыта дозировки нагрузок для подведения игроков к пике формы.

«К Олимпиаде большинство игроков сборной подошли перетренированными. Это было заметно на примере Степаса Бутаутаса и многих других – по площадке они передвигались шагом. Признаюсь, мы с Отаром Коркия прибегли к хитрости на тренировках, сэкономили силы. Знали свою дозировку. Нашим союзником был главврач советской спортивной делегации Жора Куколевский. Между прочим, в прошлом тбилисец, выпускник Тбилисского медицинского института. Мы у него просили разрешения отдохнуть, пропустить пару-другую тренировок. Таким образом, мы с Отаром сохранили больше сил и свежести по сравнению с теми, кто безоговорочно выполнял тренерские установки. Несмотря на то, что нас повезли отдыхать в Сочи, многие перед Олимпиадой выглядели уставшими.

Как же складывались игры олимпийского баскетбольного турнира? Еще до приезда в Финляндию определилась стартовая пятетка, и она не менялась, хотя первые игры подтвердили необходимость творческого пересмотра состава. На Олимпиаде, к примеру, в середине первого тайма мы проигрывали сборной Перу 12 очков. Может, не очень скромно вспоминать об этом, но вместо Казиса Петкявичуса выпустили на площадку меня, и постепенно игра выровнялась. Дело в том, что Петкявичус не мог удержать быстрого нападающего перуанцев, потому что, по большому счету, никогда не был защитником – вот в чем заблуждались тренеры. Петкявичус был крайним нападающим. В нападении у него хорошо получалось, но в сборной его почему-то упорно ставили в защиту. Во втором матче – с Аргентиной, картина на площадке повторилась. Опять проигрываем 14-15 очков, опять из-за ошибок тренеров в определении оптимального состава.

И еще один просчет. Всю игру строили в расчете на результативность центрового, не используя блестящие проходы Бутаутаса и защитников. Пусть поймут меня правильно. Речь не о моем друге Отаре Коркия, его удивительном таланте и бесстрашии. Наши неудачи в финале происходили из опять-таки шаблонного мышления тренеров. К слову сказать, мы в тбилиском «Динамо» действовали тактически разнообразнее, взяв на вооружение две задумки. По первой – в прорыв бросали «легкую кавалерию». Вторая волна, используя силовое давление, разыгрывала мяч через центрового и таким образом реализовала атаку.

Американцы, безусловно, были сильны. Но, несмотря на явный проигрыш в росте, противостоять им мы могли. Американцы играли в чисто технический баскетбол. Не было у них того внутреннего горения, что отличало нас. Но все, что они делали, было наиграно прекрасно. Когда смотришь игры профессионалов, там это все научно обосновано, сработано на совесть, до полного автоматизма. Но с любителями можно и должно играть.

С Отаром Коркия

Американцы, будучи на голову выше всех в прямом смысле слова, ничего выдающегося на Олимпиаде не показали.

В общем, на Олимпиаде все было внове, а она сама была для нас сказкой, спортивным фейерверком, праздником.

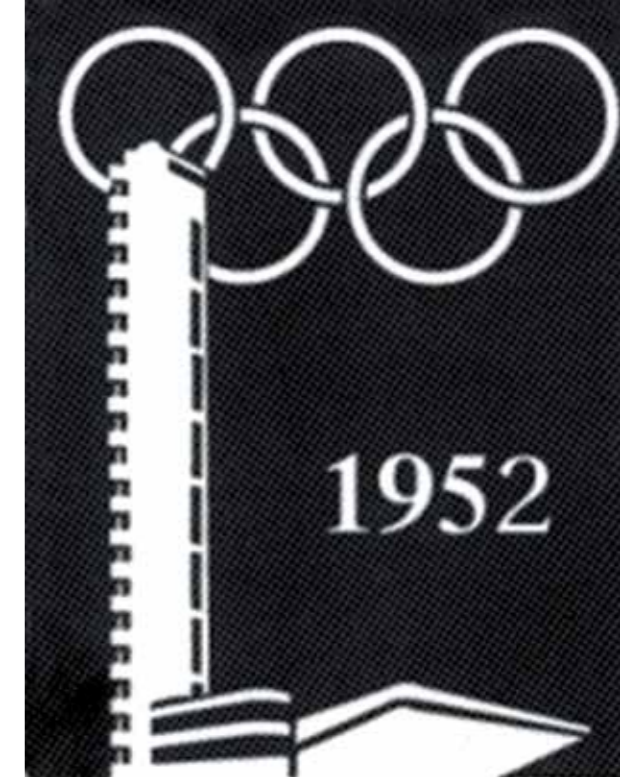
Особо хочу сказать о руководителе советской спортивной делегации Николае Романове, блестящем организаторе, любящем спорт. С его именем связаны многие успехи советского спорта.

После окончания Олимпиады был устроен прием мэром города Хельсинки. Свободная такая обстановка: прекрасное угощение на столах, вволю водки, пива. Почти вся грузинская спортивная делегация устроилась вместе. К нам присоединились олимпийский чемпион Арсен Мекокишвили и Нестор Чхатарашвили. Сидим, закусываем. Открывается дверь, в зал входит Николай Романов, направляется в нашу сторону. «Почему пьете одну воду?» - спрашивает.

Джорджикия отвечает, что после игры водку они не пьют, а вина здесь нет, но пару стаканов можно было бы выпить. Романов распорядился и принесли ящик вина. «С такими спортсменами, - сказал он, - можно выигрывать Олимпиады».

Нодар Джорджикия продолжал: «Кстати, золотой запас медалей у моих земляков был бы больше, будь тренеры посмелее. В Хельсинки Гиви Картозия оставался в роли зрителя, а мог рассчитывать на самое высокое место. «Почему не ставите в команду Гиви?» - спросил я, естественно, тренера борцовской сборной Вахтанга Кухианидзе, не видя, что Гиви стоит рядом и слушает наш разговор. Но тренерский совет сборной оставил свой выбор на Николае Белове, чемпионе Европы 1947 года. Белов на Олимпиаде был третьим, а Картозия через год выиграл чемпионат мира в Швеции, и еще через три года – Олимпийские игры в Мельбурне».

Закончилась для наших спортсменов первая их Олимпиада. По возвращении в Москву узнали: снимают старшего тренера сборной Степана Спандарьяна – за проигрыш американцам. Коркия и Джорджикия приглашают к Романову и объявляют, что есть мнение назначить старшим тренером Константина Травина.

XV OLYMPIA HELSINKI

Джорджикия тогда сказал, что, по его мнению, Травин не сможет работать с коллективом. Эти слова обернулись против Джорджикия. И стоили ему места в сборной.

Такая вот плата за откровенность и правдолюбие. А Травин недолго работал со сборной – освободили его через год.

В 1957 году закончилась спортивная карьера выдающегося грузинского баскетболиста. Нодар Джорджикия мог еще в 36 лет поиграть за динамовский клуб, сил было предостаточно, но рядом

росли классные игроки и не хотелось сдерживать их в тени собственной славы. И он трудится на ответственных должностях по юридической части. Цвета трех замечательных команд довелось защищать гвардейцу грузинского спорта – «Науки», ТОДО и тбилисского «Динамо». Видевшие игру Нодара Джорджикия – высокотехничную, артистичную – запомнили ее навсегда.

2 июня 2008 года ушел из жизни великий труженик баскетбола с цифрой «8» на майке. Оставил нам откровение, проникнутое грустью и мудростью опытного турнирного бойца: «Мы, между прочим, не играли, я думаю, что мы жили баскетболом. Это была наша жизнь...»

С Гурамом Минашвили

Арсен ЕРЕМЯН

ГРУЗИНСКИЕ ВЕРСИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Перевод русской поэзии на грузинский язык имеет достаточно долгие и устойчивые традиции. Основы его заложили еще в XIX веке Илья Чавчавадзе, Важа Пшавела, Акакий Церетели – те, кто стоял у истоков этого большого и благородного дела. Они познакомили грузинского читателя с творениями А.Пушкина, М.Лермонтова, И.Крылова... Полезное и важное начинание получило развитие в XX столетии, когда между грузинскими символическими – «голубороговцами» и русскими поэтами установились прочные творческие и дружеские связи.

Интенсивными творческими контактами русских и грузинских поэтов был отмечен почти весь двадцатый век. Грузинских поэтов, наших современников, связывала большая дружба с Беллой Ахмадулиной, Евгением Евтушенко, Андреем Вознесенским, Юрием Ряшенцевым, Михаилом Сидельниковым, Юнной Мориц и другими деятелями русской литературы. Издательство «Тобалиси» выпустило второе, дополненное издание книги «Русская поэзия. Переводы», объединившей семьдесят русских поэтов, начиная с пушкинской эпохи. Книга посвящена светлой памяти Вахушти Котетишвили и Нико Гомелаури. Переводы выполнены пятью переводчиками, из которых наиболее широко представлен Котэ Кубанеишвили, он же составитель.

Из поэзии Лермонтова в сборник вошло одно стихотворение альбомного характера, посвященное Александре Смирновой-Россет. Лермонтов познакомился с ней в доме Карамзиных и был очарован ее красотой. Первая строфа получилась слишком интимной, и автор по просьбе адресата снял ее еще до опубликования. Котэ Кубанеишвили перевел полный вариант. Лермонтов обычно заканчивал стихотворение эффектно, афористично, и переводчик сумел сделать то же.

Нещедро представлен в сборнике и Пушкин. Заметим, что, на наш взгляд, этот сборник следовало бы открыть именно пушкинским произведением. Его лирический шедевр «Я вас любил» также перевел Кубанеишвили, и довольно хорошо. Однако, существуют прекрасные переводы этого стихотворения Паоло Яшвили, Гиви Шахназари, и, как это делается в подобных изданиях, было бы небезынтересно дать их в конце книги. Тем более, что альтернативные переводы других стихотворений приводятся.

Кубанеишвили принадлежит и перевод отрывка из второй главы «Евгения Онегина». Правда, имеются неточности – пушкинское «жизни холод» в переводе звучит «Грязь жизни». Также встречаются несколько пар глагольных рифм, которые у Пушкина получались виртуозно, в переводе же они оставляют желать лучшего.

Виднейшей поэтессы Серебряного века Анны Ахматовой учитель, тончайший лирик Иннокентий Анненский представлен стихотворением «Среди миров» в переводе Вахушти Котетишвили. Он отличается определенным мастерством, но заключительные строки двухстрочного стихотворения выглядят искусственно и не лучшим образом.

Из наследия Бальмонта представлено одно стихотворение «Ветер». Оно отражает колебания нежной души поэта. Кубанеишви-

ли удалось найти точную тональность и сохранить близость к оригиналу. В целом хороший перевод известного стихотворения теоретика русского символизма Андрея Белого «Из окна вагона», выполненный все тем же Кубанеишвили, вызывает неудовлетворенность: в третьей строфе переводчик проявляет вольность в отношении текста: опущена столь значительная деталь пейзажа русского села, как погост. Кроме того, возникает чуждый образ – «несчастный народ, жующий траву». Речь автора искусственно усложнена, тогда как А.Белый, в противоположность своей труднодоступной, порой требующей расшифровки прозе, в поэзии всегда стремился к ясности и свету.

Знаменитое блоковское стихотворение «Ночь, улица, фонарь, аптека...» читаем в слабеньком переводе А.Дарчиашвили. Переводчик не чувствует несравненную непосредственность и простоту лирики А.Блока, его безошибочную интонацию, которая не терпит малейшей фальши. «Бессмысленный и тусклый свет» (у Блока) в переводе звучит, как «мрак не объемлет таинственного света», что чуждо оригиналу и ничего не означает. Остальные три стихотворения поэта «Ищу спасенья...», «Я – Гамлет...», «Искусство – ноша на плечах...» профессионально перевел Кубанеишвили.

Один из основоположников русского символизма Валерий Брюсов представлен в сборнике стихотворением «Юному поэту». Перевод Кубанеишвили действительно хорош. Переводчику удалось подобрать и соответствующий размер, что создает близкое оригиналу звучание. Несколько поверхностно перевел он большое стихотворение Максимилиана Волошина «По ночам, когда в тумане...», посвященное В.Брюсову. Перевод изобилует техническими провалами, в основном, по части рифмы. Оставлены не переведенными восемь строк по неизвестной причине. Лучшее стихотворение М.Волошина «На дне преисподней» представил вдохновенно Котетишвили. Он же перевел три из пяти стихотворений лидера акмеистов Николая Гумилева. Из них наилучший – перевод стихотворения «Мечты». Досадно, что в первой строфе допущена вольность, которая оборачивается неточностью: вместо «восторгов» в переводе «жгучие видения», что никак не одно и то же. Следует отметить и перевод стихотворения «У меня не живут цветы...» В.Котетишвили. Но была ли необходимость помещать тут же альтернативный перевод Кубанеишвили, в котором не однажды допущены неточности?

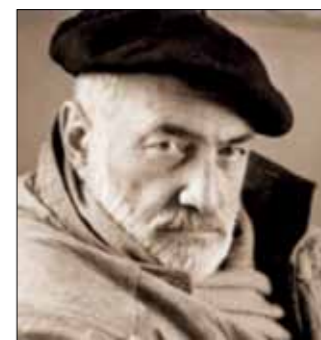
Перевод стиха «Я и вы» выполнен В.Котетишвили. Думается, неоправданно было публиковать параллельно перевод А.Дарчиашвили. Помимо слабых, искусственных рифм большинство строк самовольно изменены до неузнаваемости. Опущено то, что необходимо, непонятно откуда взялся «экзотический восток», и почему араб оказывается «чесоточным». Третья строфа – полнейшая отсебятина и сумбур.

В сборник включены еще два перевода В.Котетишвили, оба – из Н.Гумилева. Эти стихотворения были написаны незадолго до расстрела Гумилева, и оба причислены к лучшим творениям поэта. Из них с точки зрения смысловой верности оригиналу и техники мы отдаем предпочтение «Шестому чувству». И очень жаль, что грубая корректурная ошибка исказила смысл, обратила фразу в бессмыслицу.

Подобной жертвой корректора

или редактора стал и другой перевод В.Котетишвили стихотворения «Слоненок». В финале перед читателем предстает богато украшенный слон, который некогда вез Ганнибала по бушующему Риму. Фраза оригинала «... нес к трепетному Риму...», верно и поэтически переведенная, искажена корректурной ошибкой.

Вахушти Котетишвили

Кстати, почему-то в книге нигде не упоминаются фамилии редактора, корректора, оформителя.

Осип Манделштам представлен в рецензируемом сборнике пятью стихотворениями. Одно из них «Дано тело» читаем в двух переводах – Котетишвили и Кубанеишвили. Первый строго придерживается оригинала, Кубанеишвили более свободен в своей работе. Например, «цветок» оригинала в переводе преобразуется в «плод» («Я садовник, я же и цветок»). Прекрасно перевел Котетишвили стихотворение «Невыразимая печаль». Из множества стихов О.Манделштама, посвященных родному городу и выделяющихся экспрессией и трагическим звучанием, одно очень хорошо перевел К.Кубанеишвили. Жаль только, что в последних строках он использует банальную глагольную рифму.

Владимира Маяковского можно было представить лучше. В сборнике есть его «Стихи о советском паспорте», «Стихотворение о разнице вкусов» и «Слушайте!» Первое перевел Кубанеишвили, и если не принимать во внимание нескольких неуклюжих оборотов, в целом оно вполне удовлетворяет. Правда, в финальных строчках утверждение автора: «Я гражданин Советского Союза» у Кубанеишвили без всякой на то необходимости усилено: «Я гражданин великого Советского Союза». Два других стихотворения Маяковского даны в переводе А.Дарчиашвили. Они грешат несвойственными грузинскому языку конструкциями фраз и другими недостатками.

Еще больше не повезло стихотворению Б.Пастернака «Зимняя ночь» (из цикла «Доктор Живаго») стараниями того же Дарчиашвили. Это стихотворение мы знаем в хороших грузинских переводах, в частности, Ланы Гогоберидзе и Тамар Джавахишвили.

Насколько может перевод исказить и попросту убить прекрасное стихотворение мы наглядно убедимся по двум строфам «Зимней ночи» Б.Пастернака и А.Дарчиашвили.

Б.Пастернак: «На озаренный потолок/ Ложились тени, /Скрещенья рук, скрещенья ног, / Судьбы скрещенья./ И падали два башмачка/ Со стуком на пол./ И воск слезами с ночника/ На платье капал...» Пусть судит читатель, есть ли что-либо общее между одним из поэтических шедевров Пастернака и нижеследующими дарчиашвилевскими строчками: «На озаренном потолке теней/ Видны пятна, / которые только/ Тела располагают./ И было два прекрасных/ Маленьких сапога,/ Паденье которых на пол/ Создало шум».

Другое значительное стихотворение Б.Пастернака «Быть знаменитым некрасиво...» перевел Кубанеишвили, но не смог полностью преодолеть трудности текста и местами допустил провалы, к тому же неточности режут слух. В оригинале: «Места и главы жизни целой/ Отчеркивая на полях...», в переводе читаем: «Размышление облегчит тишину/ Для спасения тайного яд».

Переводчиком стихов Анны Ахматовой выступает А.Дарчиашвили, к сожалению, картина так же безотрадная. Например, перевод великолепного стихотворения «Сероглазый король». Совершенно непонятна

Шота Иаташвили

фраза, которой нет в оригинале: «У меня збота о королеве/ из-за его кончины». В стихотворении «Дверь полуоткрыта» есть строки: «На столе забыты/ Хлыстик и перчатка». В переводе Дарчиашвили читаем: «На столе только/ перчатка валяется».

Такие искажения недопустимы в художественном переводе, тем более в изысканной, утонченной и в то же время ясной, прозрачной поэзии Анны Ахматовой, мастера полутонов.

Марина Цветаева – поэт особого голоса и эмоциональной силы – представлена в книге довольно хорошо. Удачно подобраны стихи и в достаточном количестве. Первое из этих стихотворений, отмеченное ее провидческим даром и свойственной ей экспрессией, перевел удачно Кубанеишвили. Три из цветаевских стихотворений переведены В.Котетишвили, и все отмечены высоким профессионализмом.

Стихотворение Сергея Есенина «Письмо матери» Кубанеишвили перевел довольно вольно, не утруждая себя воссозданием отдельных деталей, однако сумел сохранить общий настрой стиха, его дух. «Письмо матери» не однажды переведено грузинскими поэтами, так что следовало бы включить в сборник и их переводы.

Радетель и друг грузинской поэзии Николай Заболоцкий представлен стихотворением «Признание». Его с подлинным вдохновением и мастерством перевел Кубанеишвили. Перевод безусловно относится к лучшим его работам и этот уровень он должен держать.

Белла Ахмадулина представлена стихотворениями «Когда моих товарищей корят...» и «Не уделяй мне много времени...» Первое, адресованное Андрею Вознесенскому, перевели Кубанеишвили и Дарчиашвили. Перевод, можно сказать, благополучный, основная мысль стихотворения передана, но имя «Антей» упомянуто в русской огласовке. Следует также отметить глухие рифмы, впрочем сама Б.Ахмадулина здесь не очень внимательна к рифме, но за пунктуацией надо было бы проследить. Второе стихотворение перевел Дарчиашвили, приятен естественный строй строк.

Думается, полнее можно было бы представить Евгения Евтушенко. В книге три стихотворения и все исполнены гражданского пафоса, переведены А.Дарчиашвили. Из этих переводов самым удачным на наш взгляд является перевод «Памяти друга». Его классическая простота сохранена и в грузинской версии.

Лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский, создающий новые формы, представлен довольно широко. Заслуживает внимания перевод Котетишвили стихотворения «Два часа в резервуаре», в котором много элементов так называемого «макаронного стиха». Этот трудный, сложный перевод заслужил внимание читателей и литераторов, поэтому мы не станем на нем задерживаться. Известно, как свободно чувствовал себя

Бродский в мире античности. В сборник включено одно из лучших его стихотворений этого цикла – «Одиссей Телемаку» в переводах Котетишвили и Кубанеишвили. Свободный стих дает возможность переводчикам максимально точно передать текст. Главное, что весьма важно, найдена безошибочная интонация.

Булат Окуджава большей частью пел свои стихи. Составители включили в сборник одну из песен-стихотворений – широкоизвестную «Молитву». Котэ Кубанеишвили перевел ее восьмисложным высоким шайри с перекрестной рифмой, что придало переводу оттенок искусственности и стеснило плавное, свободное течение строк, но мысль и пафос оригинала сохранены.

Гораздо щедрее представлен в сборнике Владимир Высоцкий. Лучшее его стихотворение-песню «Я не люблю» перевел Котэ Кубанеишвили. При том, что переводчик сохранил соответствие художественных образов, он допускает неточности и искусственно усложненные выражения. Тем не менее, перевод можно считать удовлетворительным.

Отвечает требованиям уровень перевода «Старого дома», выполненный Нико Гомелаури.

Большой мастер художественного слова и выдающийся переводчик Арсений Тарковский, внесший весомый вклад в дело перевода и популяризации грузинской поэзии, в сборнике выглядит довольно блекло. Два его стихотворения, не вошедшие в издания его избранных произведений и ничем не примечательные, переведены Кубанеишвили и Дарчиашвили. Переводы оставляют желать лучшего.

Не оставляют хорошего впечатления отобранные произведения Геннадия Шпаликова, Игоря Губермана, Дмитрия Пригова, Вадима Жука, Сергея Гандлевского.

Знание народной поэзии и склонность к ирониче- ской лирике проявляет Игорь Иртеньев. Его баллада пародийного звучания, остроумно отображающая французский быт «У кюре была собака», переведена А.Дарчиашвили, но, к сожалению, в переводе опущены некоторые пассажи, что делает его непонятным. Хороший глаз и свой, отличный от других поэтический почерк обнаруживают Дмитрий Веденяпин и Ефим Бершин. Их стихи «Одуванчик» и «Памяти матери» очень хорошо перевел Кубанеишвили.

Мастерски, с большой ответственностью перевел большое стихотворение Глеба Шульпякова «Джемаль-Фна» Шота Иаташвили. Перевод воссоздает пестрые, как старинный ковер, картины знойного восточного города с его шумными, многолюдными улицами и площадями.

В заключение хотелось бы отметить следующее. В наши дни, когда многовековые связи между грузинской и русской культурами заметно ослабли, выход в свет сборника «Русская поэзия», факт, заслуживающий одобрения и внимания.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

Перевела Камилла-Мариам Коринтели

Котэ Кубанеишвили

О живущем в Молдавии русском писателе Николае Савостине я впервые услышала в Киеве от Валентина Чудного. Валентин Павлович – известный в Украине писатель, автор поэтических сборников, повестей, переводов. Он – доктор философии, заслуженный работник культуры Украины, член национальных союзов писателей и журналистов Украины. С Николаем Сергеевичем Савостиным В.Чудный знаком более пятидесяти лет, со времен службы в военном гарнизоне недалеко от Читы. В разговоре о месте литературы в нашей сегодняшней жизни Валентин Павлович заговорил о книге «Честь поэтов» Н.Савостина, где автор размышляет о «емкости слова» в современном мире. Думается, эти раздумья писателя небезынтересными окажутся и для читателей «Русского клуба».

Николай Савостин

ВДОХНОВЕНИЕ НРАВСТВЕННО

Тот, кто сохраняет жизнь

В переводе на русский этими словами многие тысячелетия назад египтяне мудро определили суть дела тех, кто рисует, пишет, ваяет, сочиняет музыку. В буквальном переводе с египетского это значит «художник», а более обобщенно и возвышенно – поэт.

Меняется постоянно мир, человек в нем становится все мельче и беспомощней перед созданием рук своих. Теперешний экскаватор заменяет десятки тысяч землекопов, компьютер – тысячи и тысячи вычислителей, счетоводов, статистиков и др. А большинство тяжких аварий в мире случается из-за несовершенства человека, управляющего сложнейшими системами. И только образ поэта в самом отвлеченном виде остается прежним. И мир, и человек в его отражении так же ценен и незаменим, как и многие тысячелетия назад...

Сочинители стихов в разных странах отличаются друг от друга сообразно с различными типами национального мышления и представлениями о национальном идеале. И соответственно одни пишут длинно, другие кратко, одни афористично и лапидарно, другие пространно и туманно. Но что-то есть в них общее, что-то есть объединяющее в самой основе их образа жизни и деятельности. Вещество

поэзии, если так можно выразиться, одинакового свойства повсюду, и оно добывается только одним способом – светлым и умным сердцем. Как и на заре цивилизации...

Подлинный создатель художественных ценностей – фигура знаковая, связанная кровеносной системой с душой народа. Она сродни святым образам. Не зря Андрея Рублева не так давно причислили к лику святых. На мой взгляд, и крупнейшие русские писатели прошлого заслуживают этого... Вспомним, к примеру, Гаврилу Державина, – человека, что называется, из народа, – долгая солдатская лямка, затем – губернатор, кабинет-секретарь Екатерины Второй, чуть позже министр юстиции, – «бич вельмож, при звуке грозном лиры, их горделивые разоблачал кумиры» (Пушкин), – автор од, которые сохранили в себе и благотворный яд, человек, способный в ярости схватить великую императрицу за грудки, возмущенный ее указом о назначении какого-нибудь прохвоста на важную государственную должность. Попробовал бы это сделать какой-нибудь сановник, а не поэт Державин! Надо отдать должное Екатерине, – она перевела конфликт в область юмора: «Гаврила Романович, я вам не груша, чтобы трясти меня». Понятно, умная царица не назначила на должность министра юстиции какого-нибудь угодливого знатока юриспруденции, как принято в наше

время. Взяла привлекательную авторитетную личность...
- Величие есть там, где живет поэзия. Не Гете искал знакомства с Наполеоном, нет, в расцвете своей славы и величия Бонапарт попросился к поэту, и придя, с порога заявил, что шесть раз прочитал его «Вертера». Историками зафиксировано, что Гете беседовал с ним сорок минут...

Нынче общественный статус писателя повсюду сведен к нулю... Власть голого прагматизма – отрицание необходимости учета объективных законов действительности и признание истиной лишь того, что дает практически полезные результаты, - ведет к оскудению и одичанию народов, к всемирной катастрофе.

Теперь это выглядит «пережитком проклятого прошлого» - отклик поэзии на явления жизни, на события истории. Едва мир услышал о героической гибели русского крейсера «Варяг» в русско-японской войне, как отозвались поэты даже в не очень дружеской Германии... Теперь гибнет атомная субмарина с экипажем, происходит колоссальная трагедия в Чернобыле, умирают люди в схватках с террористами – никакого отклика, молчание. Поэзия онемела.

Мы не можем даже приблизительно подсчитать мощь поэзии во Второй мировой войне. Мы выстояли перед натиском фашизма еще и потому, что с нами была поэзия. Новые поколения не могут себе представить, какое место в жизни народа – от рядового бойца до Верховного Главнокомандующего – занимало художественное слово. Но старшие помнят, как прибавляли нам силы, каким воодушевляющим зовом звучали голоса Шолохова, Алексея Толстого, Твардовского, Эренбурга, Леонова, Фадеева, Симонова, Пастернака, Ахматовой, Джамбула, Бергольц и многих других литераторов.

Многие ли знают, что в конце 1943 года в оккупированном Париже вышел подпольный сборник стихов, озаглавленный «Честь поэтов». Стихи печатались большей частью без подписи или под псевдонимами. «Гонорар» авторам могли уплатить лишь расстрелом...

В мире бывает, что правительство, сменившее предыдущее, отменяет все прежние законы, поворачивает жизнь иначе. Поэзия же преемственна. Можно ли вообразить, что кто-нибудь, пусть бесконечно могучий, своей волей сделает переворот в литературе? Ну, например, зачеркнет творчество Пушкина, а на его место водворит процветавшего некогда Фаддея Булгарина?

Вдохновение нравственно. Поэтому ни один поэт, поэт, а не составитель речей в рифму, не служил злу, несправедливости, пошлости. Вдохновенно – значит нравственно, талантливо... Иначе не выжили бы в веках и тысячелетиях столь наивные и простодушные строки древней лирики или народного творчества, их бы просто вытоптали угодливые и ловкие умельцы от литературы. Загрязнение внутреннего мира человека – это самое опасное, что подстерегает человечество. Полным ходом ядовитая грязь отравляет среду обитания души человека. Порнография, рост преступности, духовное уродство, творения массовой культуры, рассчитанные на дешевый успех у обывателя, только ли это!

Трудно сразу понять, почему тиранов, деспотов, фюреров всех мастей так раздражает лирика, даже подчас самое безобидное стихотворение, скажем, о природе? Мы были свидетелями событий, сопутствующих приходу к власти фашизма – всякий раз он уничтожает и «чистых» лириков. Так произошло, например, с Гарсиа Лоркой, который писал преимущественно о любви и меньше других своих товарищей занимался политикой.

Дело в том, что с поэзией всегда гуманизм, уважение к человеческой личности, к красоте и справедливости. Только в лирике, или точнее, больше всего в лирике человек проявляется как индивидуальность, здесь он остается самим собой. Именно в лирике он находит себя, индивидуального, неповторимого, незаменимого, со своей душой, со своим внутренним миром.

Недавно в газетах промелькнуло сообщение о том, что в поселке Сусанино Костромской области местные

энтузиасты после долгих исследований, применив изобретательность и точный расчет, нашли ту самую церковь, что послужила художнику Алексею Кондратьевичу Саврасову моделью при работе над картиной «Грачи прилетели». Сейчас эта церковь реставрирована, на ее стене установлена мемориальная доска, а внутри открыт музей. И ведь всего-навсего пейзаж. Не индустриальный, а самый что ни на есть «сермяжный», но выражающий необычайно остро и тонко чувство родины, родной земли, пробуждающей весны, обновляющейся надежды, глядя на эту картину, испытываешь прилив и печали, и жизнелюбия. И вот люди отмечают это памятное место наряду с теми местами, где проходили великие битвы, решающие судьбы народов, исторические события мирового значения, Это проявление лирики. Она могучая сила. Стихия!

А тот, кто осуществляет диктатуру наиболее реакционных сил, тот, кто держится на штыках, тот видит в безобидной лирике опаснейшего врага. Ведь человек, просто любящий стихи или «сочувствующий» вместе с великими поэтами, не может мириться с рабством, угнетением, у него развито чувство собственного достоинства, он будет бороться. Он найдет и силы и способы участвовать в сопротивлении. Для властителя же, одержимого планами мирового господства, в идеале нужен не человек, а автомат, машина: заправил – накормил и за дело. Тут уж не до нюансов душевных переживаний.

Цивилизация оставляет за собой пустыню, - заметил один из классиков философии. Да, исчезают реки, моря, леса. Истощаются залежи угля, нефти, газа, руд, сметается плодородный слой почвы. Пустыня наступает. Однако, на мой взгляд, современная цивилизация особенно цинично губит литературу, а также искажает эстетику, чем низводит до половой тряпки мораль, совесть и нравственность. Теперь при помощи модных слов «свобода» и «демократия» сметаются основополагающие табу. Ведь культура – это система запретов, выработанных человечеством на пути развития, - чтобы не погибнуть. В искусстве вытравляется мысль, а художественный и философский (поэтический) замысел подменяется сублимом. Пресловутый черный квадрат становится черной дырой вселенной, где пропадает человеческая суть художника, - так в природе черная дыра поглощает свет – он не в состоянии вырваться из ее нутра на волю. Так гибнет подлинная красота и является яд растления...

Избыток халтуры в нашей литературе объясняется вседозволенностью: мол, рынок все определит. Но, если крестьянин привезет продавать на базар мясо, он обязан получить разрешение санитарной инспекции. Как минимум. И эта инспекция отвечает перед государством за качество продукта. Почему же духовную пищу, книгу, можно выносить на прилавок, минуя пусть какой-то контроль? Сейчас «демократы» взвоят: «Опять цензура!» А если продукт, выдаваемый под видом книги, картины, спектакля несет духовную отраву? Да во всем мире существуют хоть какие-то барьеры для такой тухлятины.

...Кто бывал в местах поблизости от Байкала, тот слышал это выражение: «омуль с душком». Не знаю, как сейчас – давно не был в тех местах, - а прежде – идешь по местному базару и вдруг ощущаешь волну вони. И, тем не менее, смотришь, там у прилавков толкуются покупатели. В мое время было большое число страстных любителей этого «деликатеса». Такие, не глядя на ворохи свежего омуля, спешат именно туда, где эта дивная рыба уже провоняла. И было видно, таким любителям рыба эта очень по душе, аж слюнки текут. По всей видимости, в старину, когда не было холодильников, выприходилось волей-неволей употреблять в пищу и слегка протухшую рыбу. Скорей всего, таким образом некоторые со временем пристрастились к ней, нашли прелесть именно в таком продукте. Я как-то пробовал такой омуль, но, мягко говоря, не нашел его привлекательным. Предпочитал, как и большинство, свежую рыбу.

Николай САВОСТИН

Материал подготовила Марианна Хубуа

Вилли Вайнер

7 декабря минувшего года в Малом зале Тбилисской консерватории при большом стечении публики состоялся концерт. Перед столичными меломанами выступила заслуженная артистка Армении, лауреат международного конкурса, профессор Ереванской консерватории имени Комитаса пианистка Анаит Нерсисян. «Сегодняшний день был выбран не случайно, - сказал Армен Арнаут-Саркисян, который вел программу. - 7 декабря 1988 года. 11 часов 41 минута... Прошло уже более двадцати лет, а эти цифры помнит каждый, кто оказался очевидцем жестокого разгула стихии – страшного землетрясения в Армении... Низкий поклон всем, кто разделил наше горе и оказался с нами в трудную минуту... Мы решили сегодняшний концерт посвятить памяти невинных жертв. Давайте почтим их память. Помянем тех, кого нет с нами, и будем думать о живых, будем ценить друг друга, беречь и щадить...»

В организации музыкального вечера приняли участие Тбилисская государственная консерватория имени В.Сарадживили, еврейский культурный центр «Менора» в Армении, Армянская Инвент Ассоциация. Главным поводом для проведения вечера стала презентация сборника «Фортпианные пьесы «in C» заслуженного деятеля искусств Армении композитора Вилли Вайнера, которые прозвучали в первом отделении. Издание сборника осуществлено по государственному заказу Министерства культуры РА и подготовлено в дар музыкальным учебным заведениям Армении, Грузии, России, Украины, США, Израиля и других стран.

«Сегодня мы от всего сердца и с большой любо-

вью преподносим этот сборник в дар Тбилисской государственной консерватории, - сказал вице-президент еврейского культурного центра «Менора» А. Арнаут-Саркисян. – Я хотел бы от имени руководства Министерства культуры РА и центра «Менора» выразить глубокую благодарность ректорату Тбилисской консерватории за предоставленную возможность проведения концерта-презентации в этом роскошном зале. Особое спасибо мне хочется сказать г-же Манане Дюнджашвили за неоценимую поддержку, удивительное гостеприимство, теплоту и любовь, за высокую культуру творческого общения».

Вилли Вайнер – коренной ереванец. О тяжелом и горестном пути его предков в Армению можно прочитать в книге «Тени над Схидам». Схидам – голландский город, где в конце 20-х годов обосновалась эмигрировавшая из Умани семья Зейлика Вайнера, деда будущего композитора. В начале Второй мировой войны члены семьи были отправлены в концлагерь Блакенфельд под Берлином. Вскоре они оказались в числе евреев, предназначенных для обмена на немец-дипломатов. В спецэшелоне их вывезли через всю Европу в Армению, в Ленинакан, где находился «обменный пункт». Потом ссылка бабушки с четырьмя детьми (среди них был Макс, отец будущего композитора) в Северный Казахстан. Тяжело больного дедушку пришлось оставить в больнице. Когда в 1946 году было, наконец, получено разрешение на выезд, семья вернулась в Ереван, но дедушку застать в живых не довелось. Так Вайнеры остались в Ереване. А через несколько лет Макс женился на выпускнице Киевского

А.Арнаутов-Саркисян, А.Нерсисян, М.Доиджашвили, В.Вайнер. Тбилиси

университета Иде Иерусалимской, которая приехала в Ереван погостить у друзей. Их первенец – Вилли.

Способности сына дали знать о себе в раннем детстве, и царившая в семье духовная атмосфера всячески благоприятствовала их развитию. Приобщение к музыке шло большей частью через грамзаписи, которые прокручивались на патефоне. Мать отдала ребенка в школу-десятилетку имени Чайковского. В этом учебном заведении началась его дружба с Анаит Нерсисян, которая была на год старше. Дети с большим успехом выступали на концертах. После окончания школы пути их разошлись. Вилли продолжил занятия в Ереванской консерватории, где его руководителем стал Жан Тер-Мергерян, получивший известность после участия в первом Международном конкурсе исполнителей им.П.Чайковского, а Анаит поступила в Московскую консерваторию в класс профессора Виктора Мержанова. Однако спустя много лет их интересы снова сблизилась, перейдя в творческий союз.

Получив диплом скрипача, Вилли испробовал работу в различных оркестрах, вел класс скрипки в музыкальных школах и консерватории. Еще участь в консерватории, он стал петь в мужском камерном хоре «Гаянэ», в котором проработал 12 лет и выступал с ним во Франции. Вайнер принял активное участие в издании диска с записью Литургии для мужского хора Комитаса; его в 1986 году выпустила фирма «Мелодия».

Путь к осознанию главного призвания, пробуждению сочинительского дара был долгим. Вилли отважился обратиться к творчеству лишь к сорока годам – именно тогда увидел свет его первый опус – «Хасидский танец» для оркестра. Какие факторы повлияли на формирование композиторского облика Вайнера? Прежде всего, ансамблевость.

В 1978 году Вайнер начал работать в эстрадно-симфоническом оркестре Гостелерадио, который воз-

главлял Мелик Мависакалян, композитор, дирижер, аранжировщик. Юному скрипачу чрезвычайно импонировал творческий процесс Мелика, восхищались его аранжировки. Интенсивной, и, можно сказать, всеобъемлющей была программа оркестра. В конце 50-х годов, в годы расцвета джаза в Армении, в концертах регулярно исполнялись произведения Арама Хачатуряна, Арно Бабаджаняна. И параллельно с этим велась просветительская работа по пропаганде жанра. Парад звезд в программе концертов представляли такие музыканты, как Константин Орбелян, пианист и дирижер, худрук Государственного джаз-оркестра Армении, Мартин Вартазарян, пианист, сын одного из основателей джазового направления в Армении, Ашот и Арам Сатяны – композиторы и дирижеры, Алексей Экимян – композитор-песенник, генерал МВД, Степан Шакарян.

Большое значение имело не только исполнение этой музыки, но и общение с ее авторами во время творческих вечеров. Молодому Вайнеру необыкновенно повезло с культурной средой, в которую он окунулся, вступив на поприще музыканта. В Ереване были сосредоточены прекрасные преподавательские силы и те, кто оказался в армянской столице в годы войны и ленинградской блокады; этому уровню соответствовали училища и кафедры консерватории. На высоте находился оперный театр; усилиями работников филармонии шли выступления выдающихся исполнителей. Большую притягательность приобрел основанный в 1978 году дом-музей Арама Хачатуряна, ставший центром музыкального общения в Ереване.

Таковы пласты, сформировавшие духовный мир будущего композитора, чье творческое кредо выражается словами Бетховена, ставших эпиграфом к вайнеровской пьесе «Танец царицы Эстер»: «У каждого подлинного музыкального произведения есть идея».

По словам Вайнера, каждое его сочинение имеет свою предысторию. Импульс к творчеству может идти от исторического события, литературного образа, эпизода из личной жизни, картины природы, уличной сценки.

Свидетельствует друг композитора и его продюсер Армен Арнаутов-Саркисян. Однажды, прогуливаясь во время приезда в Тбилиси по проспекту Руставели, друзья обратили внимание на человека, который стоял у здания первой гимназии с удивительной игрушкой. Это была мастерски сделанная кукла-танцовщица, которая повторяла движения и поступь балерины. Глядя на Вилли, Армен понимал, что он увлекся замыслом, уйдя в свой мир сочинительства. Они прошли до Авлабара, вошли в дом Инны Оганисян-Гологорской (композитор, художник-декоратор, переселившись в Аргентину, она предоставила друзьям возможность пользоваться своим жилищем). Вилли сел за пианино, и полилась музыка, рожденная случайной встречей. Она получила название «Маленькая балерина».

В другой раз, когда сочинялась пьеса «Старый шарманщик», автору представился нищий музыкант, волею судеб заброшенный в старинный немецкий город. Трагизм такого сюжета смягчает сердечность, доверительность тона рассказа о «маленьком» человеке, герое его жанровой сценки.

«Творчество Вилли Вайнера – это смешение двух неповторимых культур – еврейской и армянской, поэтому оно самобытно и уникально», – утверждает музыкальный критик Майя Степанян. Эта взаимосвязь исходит из убеждения композитора в родстве этнических корней музыки двух древних народов с трагизмом их исторических судеб. Оно зародилось в тот момент, когда Вилли, будучи юношей, услышал в исполнении Леонида Когана запись скрипичного опуса еврейского композитора XVIII Исаака Ахрона и принял его за музыку Арама Хачатуряна. «Песня песней» Вайнера посвящена памяти жертв геноцида армян 1915 года и еврейского Холокоста. В то же время, музыковед Артем Варгафтик считает, что, слушая сочинения Вайнера, хочется говорить о чем-то легком, приятном. Чем это вызвано? Дело в том, что существенная особенность этой музыки в ее глубоком оптимизме. Этим качеством определяется уже выбор сюжетов. Патриотизм, самопожертвование – повторяющиеся темы, но в каких образах они находят воплощение? Могла ли Юдифь, попирающая голову Олоферна, привлечь творческое внимание Вайнера? Композитор прославил героизм царицы Эстер, которая спасла свой народ, услаждая кровавого сатрапа и его окружение чарующей пляской («Танец царицы Эстер»). Крепость Маккаби, оплот войска исторического героя еврейского народа Иуды Маккавея, вошла в сочинение Вайнера, как символ несгибаемой воли в священной борьбе за веру («Маккаби»). И даже такая пьеса, как «Лилия Якова» захватывает прежде всего настроением веселья, стихией танца, которая так созвучна музыкальному мышлению автора. Напомним, что его прорыв на композиторскую стезю начался с «Хасидского танца».

Из этих примеров видно, какое место в творческом сознании Вилли принадлежит танцевальному началу. Популярные ритмы порой остроумно преподносятся в новом национальном преломлении – «Еврейское танго», «Ереванская самба». Особенно привлекательны лирические зарисовки в стиле ретро-блюз – «Осенние листья» или «Лунный вальс» с присущей им искренностью высказывания, мелодическим обаянием и мастерством оркестрового варьирования. О выразитель-

ности оркестровых красок музыки Вайнера, искусном владении инструментальными тембрами лестно высказывались Юрий Башмет, Оскар Фельцман, Иосиф Кобзон. «Каждая музыка, говоря об общечеловеческих ценностях, должна иметь свой паспорт» – эти слова А.Хачатуряна стали для Вилли художественной заповедью, получили в его музыке свое истолкование.

Композитор признает импровизацию как эксперимент с исполнительскими вариантами. Когда готовилась премьера посвященной Еревану «Песни любви», на репетициях побывало немало прекрасных саксофонистов, но их исполнение не удовлетворяло автора. И тут за пульт заступил блистательный Армен Усунц. Он стал выверять с автором каждую фразу, и пьеса за сверкала теми красками, в которых представлял ее создатель.

При редкой творческой активности, композитор всегда находит время для общественной деятельности. Он один из лидеров еврейской общины в Армении. Когда в начале 90-х годов его избрали председателем Еврейской общины, он задался целью оказывать помощь населению. Налаживая связи с еврейскими благотворительными центрами Израиля, США, Франции, Канады, изыскивал гуманитарную помощь не только для членов общины, но и для детских домов, больниц.

В 1994 году Вайнер организовал еврейский культурный центр «Менора», деятельность которого протекает под девизом «через культуру к толерантности». В рамках этого проекта в 1997-1998 годах состоялся фе-

После концерта

стиваль, посвященный 3000-летию Иерусалима. Другим красочным событием стал прошедший в Ереване фестиваль, посвященный 120-летию со дня рождения Марка Шагала.

29 января 2005 года в Ереванском театре оперы и балета им. А.Спендиаряна состоялся концерт, посвященный культуре толерантности, где прозвучали произведения В.Вайнера в интерпретации лучших исполнителей. Выражая благодарность организаторам концерта и слушателям, Вилли произнес на армянском и русском языках: «Сегодня я дарю вам кусочек своей души. Очень надеюсь, что моя музыка тронула ваши сердца. Я верю, что доброта и любовь помогут каждому совершить свой исход».

Мария КИРАКОСОВА

Участники форума у храма Самеба

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА — ЭТО ДИАЛОГ

Общеизвестно, что вся история человечества — это диалог. Диалог пронизывает всю нашу жизнь. А взаимодействие, диалог культур — наиболее благоприятная основа для развития отношений между людьми, причем самыми разными! Международный культурный диалог не только усиливает взаимопонимание между народами, но и дает возможность лучшего познания собственного национального облика — это аксиома. Тем не менее формулы «диалог культур», «взаимопонимание культур» (как и избитое, затасканное слово «толерантность») сегодня превращаются в какие-то сухие клише, если не наполнены реальным содержанием, если за ними — только расхожие фразы, а не добрые, уважительные, сердечные отношения людей. Организаторы международного форума «Культура и литература на пространстве Южного Кавказа» Ассоциация русскоязычных литераторов и деятелей культуры Грузии «Новый современник» и Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ (МФГС) сумели вдохнуть в общеизвестные формулы живой дух настоящего общения людей, хоть и разделенных границами, но говорящих на одном языке. Языке интеллекта и любви. В рамках форума прошли научно-практическая конференция, круглые столы, мастер-классы, концерты.

Представители Азербайджана, Армении, Беларуси, Молдовы, России, Узбекистана, Украины и Грузии выступили с докладами на научно-практической конференции. Ее тема — «Страны постсоветского пространства: взаимопонимание культур» — была освещена с самых неожиданных сторон. Так, академик РАЕН, доктор философских наук Валентин Никитин привел в своем докладе слова архиепископа Иоанна Сан-Францисского: «Культура есть труд человеческого, движимый любовью», а также подчеркнул, что именно христианская религия призвана преодолеть трагическое разделение мира. Его поддержал главный редактор религиозного агентства «Благовест-инфо» Дмитрий Власов, отметивший, что «отношения Русской и Грузинской Православных Церквей — братство вопреки вражде века сего». Известный писатель Владислав Бахревский — мастер исторической прозы, детский писатель и поэт, драматург и публицист — говорил о кризисе детской литературы. Поэт и переводчик из Беларуси Андрей Хаданович в своем выступлении «Как переводить непередаваемое» коснулся актуальнейшей в нашем разобщенном мире проблемы переводов, рассказал об издании сборника грузинской поэзии на белорусском языке, а профессор Владимир Чередниченко (Россия, Кубанский госуниверситет) размышлял о необходимости (для переводчика) вживания в национальную языковую среду, воссоздания индивидуального контекста и ассоциативного фона. В то же время грузинский историк Георгий Жужунашвили рассказал о взаимопонимании культур на примере профессора Петербургского и Тбилисского университетов Михаила Полиевктова (автора трудов по истории внешней политики России, русско-грузинским отношениям)... «Я бы русский выучила и за то, чтобы встретиться с Датой Туташиа» — так назвала свой доклад

доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов Улдана Бахтикиреева.

Практически все докладчики из Грузии говорили о личностях, ставших высокими примерами диалога культур — об известных литературоведах Георгии Маргвелашвили (журналист Алена Деняга, руководитель пресс-центра Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб») и Константине Герасимове (поэт, переводчик, филолог, президент Ассоциации русскоязычных литераторов и деятелей культуры Грузии «Новый современник», один из организаторов форума Владимир Саришвили, выдающихся поэтов Борисе Пастернаке (профессор ТГУ им. И. Джавахишвили Мария Филина) и Евгении Евтушенко (филолог Инна Безирганова). Болезненную проблему уникального музея — Дома Смирновых затронул главный редактор журнала «Русский клуб» Александр Сватиков. О знаменитом Доме Нечволодовых в Дедоплис-цкаро, Кахети, рассказала Нина Зардалишвили (литературовед, член редколлегии журнала «Русский клуб», одна из организаторов форума).

Прозвучали также доклады с явным социальным уклоном. Так, декан гуманитарного факультета Славынского университета Молдовы Надежда Овчеренко предложила вниманию участников форума доклад об «Особенностях ценностной ориентации молодежи в условиях политкультурности». Близким к нему по проблематике было выступление писателя, директора муниципального учреждения «Детско-молодежный центр «М-клуб» академика Теймураза Рахавия — он размышлял о значении русского языка в вопросах гуманитарного просвещения молодежи на постсоветском пространстве. Психолог, философ, заведующая Евпаторийским отделением Крымского факультета Восточноукраинского университета имени Владимира Даля Виктория Струнина посвятила свое сообщение Владимиру Далю.

Довольно обширной была и тематика круглых столов и мастер-классов. Они были посвящены современному состоянию перевода грузинской и других национальных литератур на русский язык (вел круглый стол Роб Авдьяев), проблемам русскоязычной прессы постсоветского пространства (вела Нина Зардалишвили), научному билингвизму (доклад о билингвизме литературы Беларуси прочитала на конференции филолог, журналист, переводчик из Минска Мария Мартысевич), теории стиха. Какие-то вопросы невозможно было рассматривать вне социально-политического контекста — к примеру, проблемы русскоязычной прессы.

Очень интересной была дискуссия вокруг переводов. «Жестокости политической конъюнктуры породили замечательную переводческую школу. В Тбилиси существовала уникальная в своем роде Главная редакционная коллегия по переводу и литературным взаимосвязям при СГП Грузии, объединявшая профессионалов высшей пробы... Но все погубило в одночасье. Люди, занимающиеся переводами, сегодня мечтают о возрождении коллегии», — сказал Владимир Саришвили. По мнению профессора Александра Болдырева (он предложил на конференции интересный доклад об искусстве перевода, герменевтике — теории толкования текстов), переводчик должен постичь «логическую структуру» или «глубинный синтез» переводимого текста. Переводом должен заниматься не только собственно переводчик, но — шире — исследователь, считает Владимир Чередниченко (он выпустил в серии «Литературные памятники» свод русских переводов «Ворона» Эдгара По, а также исследовательские статьи, посвященные этой теме). Чтобы адекватно выразить на родном языке те психические состояния и пере-

живания, которые возникли в нем на почве установки (концепция установки Д.Узнадзе). Вообще на форуме очень активно обсуждалось значение переводов в диалоге культур, однако подчеркивалось, как не просто они рождаются, как часто случаются неудачи на пути освоения контекста «чужой» литературы. Ведь, согласно образной формулировке Ованеса Туманяна, перевод — это роза под стеклом. Цвет есть, форма есть, но нет аромата.

В рамках форума состоялись интересные встречи. Первая — с известным киноактером Отаром Коберидзе. Диалог с ним прошел в Центре духовного и интеллектуального развития молодежи при Грузинской Патриархии «Самеба».

Встреча гостей с поэтом (недавним юбиляром!) Джансугом Чарквиани и председателем Союза писателей Грузии Маквалой Гонашвили тоже доставила огромную радость обеим сторонам. Она в очередной раз убедила в том, что только непосредственное общение помогает преодолевать отчуждение, недоверие, всевозможные комплексы, сомнения. Глядя друг другу в глаза, обсуждая интересные темы, споря, шутя, читая собственные стихи и слушая поэтические опусы других, все настраиваются на общую волну. Существуют в едином пространстве мысли и эмоции. Центром общения был, конечно, Джансуг Чарквиани — остроумный, легкий, доброжелательный, открытый. Он читал стихи, делился воспоминаниями, с юмором отвечал на вопросы. Поэт говорил о многом — об отношении к женщине, без которой невозможна никакая лирика, о шестидесятниках — мужественных, по мнению Чарквиани, людях. Среди них — Чабуа Амиразджиби, Отар и Тамаз Чиладзе, писавшие то, что хотели, и ничего в жизни не боявшиеся. «Свобода — удел львов! — подчеркнул поэт. — Но она должна быть в границах... если их переходишь, свобода перестает быть свободой. Свобода завоевывается не с автоматом в руках. Она завоевывается образованием. Законом. Лишь они дадут нам свободу. Мы, люди — творцы, должны остановить потоки ненависти. Лишь любви между нами есть место!»

К 65-летию журналиста и переводчика Левона Ананяна, председателя Союза писателей Армении, состоялась презентация книги поэзии и прозы «Дикий мак». Она прошла в Зеркальном зале Дворца учащейся молодежи.

Важный момент: насыщенный диалог представителей разных культур происходил не только за круглым столом, не только в процессе научного, профессионального общения. Организаторы продумали и культурную программу, что тоже в немалой степени способствует сближению людей, взаимопониманию культур. Состоялись экскурсии по памятным для русской словесности местам — Мцхета, Цинандали, Бодбе, Сигнахи, Алаверди. Участники конференции посмотрели спектакль «Терентий Гранели» Грузинского государственного театра пантомимы под руководством Амираана Шаликашвили.

Еще одно свидетельство многоликости форума — вечер поэзии и бардовской песни, прошедший в Доме работников искусств. Выступили Людмила Орагвелидзе — одна из руководителей «Нового современника», много сделавшая для того, чтобы форум состоялся, Владимир Саришвили, Ирина Парошина, Ольга Киричкова (одна из организаторов форума), Гога Чкония, Елена Осипова, гости Валерий Митрофаненко (Ставрополь), Андрей Хаданович (Беларусь), узбекская поэтесса Гузалбегим и другие. Артистично вел концерт Роб Авдьяев.

Инна БЕЗИРГАНОВА

Объявленный Тбилиским русским драматическим театром имени А.С. Грибоедова спектакль «Кастинг» состоялся. Ника Квижинадзе, прежде сотрудничавший с грибоедовским театром как сценарист и драматург, представил на его малой сцене свою режиссерскую работу – спектакль по собственной пьесе «Кастинг». Премьера – еще один осуществленный проект Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб».

Зритель, сам того не замечая, оказывается вовлеченным в действие спектакля. Из зрительного зала можно наблюдать залитую светом сцену. Не скрыты занавесом и кулисами безмолвные «участники» готовящегося начаться представления – вешалка с костюмами и париками, ширма, манекен, гримерный столик с зеркалом, стул... Слово в ожидании, пока все рассядутся по своим местам и в зале воцарится тишина, сидит в уголке Актриса – заслуженная артистка Грузии Ираида Квижинадзе – главная и единственная героиня «Кастинга».

Еще не смолкло движение в зале, не погас свет, еще слышны голоса зрителей, но уже звучит первая реплика героини. Вначале кажется, что она не имеет отношения к спектаклю, который незаметно для всех начался. Но спустя мгновение понимаешь: ты ока-

зался «свидетелем» театрального кастинга. На сцене немолодая Актриса. Мы наблюдаем ее очередную, ставшую для служительницы Мельпомены ее возраста обычной, неудачу.

Гаснет основной свет на сцене. Эта смена света – виртуальный занавес, за которым и разворачивается действие пьесы. По сути, пьеса «Кастинг» – монолог Актрисы. Первая встреча с театром и первые шаги на сцене, маленькие актерские радости и недоброжелательство завистников, любовь и горечь предательства, триумф славы и одиночество – воспоминания о самых светлых и драматических страницах жизни, размышления о величии искусства и низменности человеческих амбиций и страстей, перемежаются «кадрами» из спектаклей – фрагментами сыгранных героиней ролей.

В рамках полуторачасового действия Ираида Квижинадзе представляет нам галерею самых разных характеров и образов. Это – шекспировские Джульетта и принц датский Гамлет, цирковой клоун и Маргарита из «Фауста» Гете, шиллеровская Мария Стюарт и Медя из трагедии Еврипида. Смена сценических образов происходит динамично, как в кино, что требует колоссального психологического напряжения от актрисы. С этим испытанием Ираида Квижинадзе справляется с присущим ей профессионализмом. Обильное «цити-

Ираида Квижинадзе в спектакле «Кастинг»

рование» классики, к которому прибегнул автор пьесы и режиссер никоим образом не ослабляет динамики спектакля. Напротив, в тесных рамках моноспектакля разыгрывается настоящее театральное действие. Немалая заслуга в этом Татьяны Чумаченко, создавшей костюмы.

Интересная находка режиссера – введение в спектакль двух персонажей в театральных масках. Это – учащиеся театра-студии юного актера «Золотое крыльцо», созданного два года назад при Грибоедовском театре. Воспитанницы Ираиды Квижинадзе, Тамара Бобохидзе и Кристина Беруашвили. Пластические образы создавались юными актрисами с помощью Георгия Осепашвили. Выразительным языком пантомимы нарисованы фигуры искусителя-Учителя, любящего Актрису Одноклассника, Примадонны, Политика, использовавшего героиню в своих «играх», Красавчика... Маскам же отведена и роль Духа Театра. Маэстро – так обращается к нему Актриса. Присутствие Масок в спектакле позволило сделать ее монолог более выразительным. К Маскам – властительницам ее дум, переживаний и воспоминаний направлены реплики героини. На протяжении всей пьесы они находятся в безмолвном диалоге с Актрисой. Маски живут на сцене – спрашивают, смеются, сочувствуют, злорадствуют, успокаивают, признаются в любви...

Спектакль лишен конкретных примет времени. Эта история Актрисы и Театра – бесконечное повторение судеб многих, живших в разное время. Жизнь в театре – маскарад, где актер играет не одну, а множество ролей. От того, насколько хорошо он справляется с ролью, насколько долго ему удастся «удержаться в седле» зависит зачастую не только его благополучие, но и жизнь.

«Эта пьеса о судьбе актрисы, о театре. Я написал ее по просьбе моей сестры, - говорит Ника Квижинадзе. - 45-летие своей сценической деятельности она задумала ознаменовать спектаклем, который бы стал своеобразным «творческим итогом». Драма вначале носила автобиографический характер, но в процессе работы я решил обобщить образ актрисы, нарисовать типичную актерскую судьбу. В каждом театральном коллективе есть актрисы, с огромным творческим потенциалом, но в силу возраста зачастую невостребованные, занятые в спектаклях. Мне пришлось перебрать десятки биографий знаменитых актрис, в результате чего и родилась моя героиня».

История жизни Актрисы, поведенная нам Ираидой Квижинадзе, однако, не оставляет на сердце тяжести. Бурлеск, в который превращены разыгранные главной героиней собственные похороны, и «праздничность» финальной сцены – прекрасного белого танца Актрисы и Маэстро Театра (хореография Давида и Гурама Метревели) словно уравновешивают драматическую составляющую спектакля, оставляя ощущение пленительной силы театрального искусства, его одухотворенности и красоты.

«Пьеса «Кастинг» - это своеобразный гимн театру, неуязвимой молодости и неиссякаемой силе искусства. Насколько мне удалось это воплотить в художественных образах – судить зрителю. Благодарю за помощь и поддержку этого проекта моих давних друзей – управляющего и художественного руководителя театра Авто Варсимашвили и президента Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» Николая Свентицкого», - сказал после премьеры Ника Квижинадзе.

Юлия СИВЕРСКАЯ

НА АЛЫХ ПАРУСАХ

■ *Говорят, как начнешь новый год, так его и проведешь. Не знаю, так ли это на самом деле. Но факт, каждый Новый год в Тбилисском театре им. А.С.Грибоедова начинается со сказки.*

Это стало доброй традицией. МКПС «Русский клуб» и Тбилисский государственный русский драматический театр им.А.С.Грибоедова устраивают для нескольких тысяч юных зрителей настоящую сказку. Красочные музыкальные спектакли, любимые герои, сладкие подарки, а вот уже третий год – и книжки, радость и смех – все для самых маленьких.

Премьера этого Нового года получилась и во все фееричной. Молодой режиссер, признанный сказочник Грибоедовского театра Вахтанг Николава показал зрителю свою версию «Алых парусов». Постановка приурочена к юбилею. Александр Грин написал их ровно 80 лет назад. Пожалуй, с тех пор этот мир изменился.

Сложное для постановки произведение адаптировано режиссерами (В.Николава и А.Варсимашвили) для юных зрителей. Главный лейтмотив спектакля – «нужно верить в чудеса. Нужно делать чудеса собственными руками».

Вахтанг Николава: «Мистика – это нечто другое, не имеющее отношения к чудесам; кто-то верит в нее, кто-то – нет. А вот чудо – оно простое, так сказать, обыкновенное, как, например, хороший поступок, который стал уже большой редкостью. К сожалению, мир стал прагматичным, и никто ничего без выгоды не делает. Чудеса надо делать своими руками: это и есть идея нашей сказки».

Ведь как поет один из героев: «Добро сотвори – оно и тебе вернется!» А еще эта сказка учит зрителей любить и мечтать, без этих качеств невозможно быть счастливым.

Музыкальное сопровождение поистине сказочное. По сути, «Алые паруса» - это мюзикл. Настоящий, насыщенный красками и действием. Запоминается динамичная хореография. Это сработавшийся тандем режиссера и хореографа Давида Метревели.

В спектакле заняты грибоедовцы как старшего поколения, так и молодежь. Это Михаил Амбросов (Эгль) и Карина Кения (Мелюзина) – эти добрые сказочники и поведали ребятам историю большой любви. Родители Ассоль в исполнении Арчила Бараташвили – Лонгрена и Аллы Мамонтовой – Мери. Злой и алчный Меннерс – Олег Мchedlishvili под конец сражен силой добра. Признание зрителей получила старушка Астрид в исполнении Софики Ломджария. Именно в нее влюбляется Меннерс, делая финал сказки не просто романтическим, но и смешным до слез. Доброго угольщика Филиппа сыграл заслуженный грибоедовец Христо Пилиев. А вот драйв спектакля от молодых Дмитрия Спорышева и Александра Лубинца. И конечно – две подружки-сплетницы Нины Калатоцишвили и Нины Нинидзе.

Отдельной похвалы заслуживает дуэт Медеи

Мумладзе – Ассоль и Василия Габашвили – Артур Грэй. Зрители горячо сопереживали истории любви главных героев.

«Вот так случайно, а может и не случайно, встретились два наших героя», - рассказывает исполнитель роли капитана корабля «Секрет» актер Василий Габашвили: «У Артура будто бы все есть, и все же он чувствует, что ему чего-то не хватает. Поэтому он убегает из дома и отправляется в море искать своего счастья. И однажды, в рыбацком поселке Каперне встречает девушку Ассоль, в которую влюбляется с первого взгляда. Он узнает о мечте Ассоль и решает ее исполнить».

Все актеры, занятые в постановке, играли с особой отдачей. Ведь играть для детей – вдвойне ответственно. А играли много – по два-три спектакля в день. За время рождественских каникул в театре Грибоедова дали более 60-ти спектаклей. Помимо премьерных «Алых парусов», зрители смогли посмотреть и другие репертуарные сказки театра. Это приключения смельчака Чиполлино («Чиполлино») и история по мотивам русских народных сказок («Емелино счастье») режиссера Г.Тодадзе, праздничная и веселая «Рождественская сказка» и поставленный в духе знаменитого диснеевского мультфильма «Аленький цветочек» В.Николава, инсценировка пушкинской «Сказки о царе Салтане» в постановке А.Варсимашвили и «Морозко» литовского режиссера Л.Урбонавичюте.

К гордости организаторов, новогодние представления на Малой сцене Грибоедовского театра посмотрело более шести тысяч зрителей. При этом, в рамках благотворительной акции, билеты на спектакли были безвозмездно переданы многодетным и малоимущим семьям, воспитанникам детских домов, школ-интернатов и учащимся начальных классов школ всех регионов Грузии.

Каждый юный зритель получил новогодний подарок от Деда Мороза – сладости грузинского кондитерского бренда «Барамбо» и красочно иллюстрированную сказку Сергея Аксакова «Аленький цветочек». Это уже третье издание «Русского клуба» из серии «Детская адаптированная книга».

Новый год позади. Но хочется верить, что каждый побывавший в дни каникул на новогодней елке в Грибоедовском театре унес запас добра и улыбок на целый год.

Нино ДЖАВАХЕЛИ

Сцены из спектакля «Алые паруса»

ГОФМАН ГРУЗИНСКИХ ДВОРОВ

■ **Джемал Кухалашвили** (р. 1952) – грузинский живописец.

Окончил Тбилисскую Академию художеств.

В 1977-1978 годах в качестве художника-постановщика (совместно с Борисом Цхакая и Наумом Фурманом) работал над фильмом Эльдара Шенгелая «Мачеха Саманишвили» (киностудия «Грузия-фильм»). В 1987 году, завоевав первую премию Союза художников СССР, назван лучшим художником года. Творчество Д. Кухалашвили широко известно в Грузии, России и США.

Художник многократно участвовал в групповых и персональных выставках в ряде стран мира. Картины Д. Кухалашвили хранятся в Национальной художественной галерее Грузии, а также в России - в Государственной Третьяковской галерее и в музее Центра российской культуры.

Персональные выставки хороши тем, что зритель имеет возможность оценить не только уровень мастерства художника – это нетрудно при наличии всего двух-трех картин, - но и проникнуть во внутренний мир творца, вход в который на групповых экспозициях зачастую перекрывают чужие работы.

Мне не раз приходилось встречаться с полотнами живописца Джемала Кухалашвили. Порознь, среди картин других грузинских художников, они вызывали щемящее чувство чего-то мучительно-знакомого, ранящего душу, склонную к спокойному мирозерцанию, по-пушкински заменяющему счастье. Но чувство чего?

Названия картин говорили о том, что на них по большей части была изображена Грузия. Очертания крепости Нарикала или характерных тбилисских дворишек вроде бы не должны были вызывать сомнений, что Кухалашвили запечатлел в своих работах родину. Но отчего же виды знакомой страны вызывали во мне ощущение эмоционального несходства с оригиналом?

Гала-выставка живописи Кухалашвили в галерее «Карвасла» Национального Музея истории Грузии дала ответы на оба вопроса: отчего страна Сакартвело глазами этого художника так не похожа на реально простирающуюся вокруг нас и на какой из далеких персональных вымышленных миров похож мир Джемала?

Картина «Мысли о Германии» (2011) невероятно заинтриговала меня. Все мы знаем, что Германия – страна конкретности, упорядоченности во всем – от рационального мышления до его визуализации в архитектуре, и того умиающего подросткового педантизма, который помогает его носителям сохранять внутреннюю гармонию.

И вдруг!.. Хаотические наброски, колдовские всполохи иррационального, а, главное, то же, что и в карти-

нах о Грузии, подстерегающее Нечто – сгустки деформированной или неоформившейся энергии, выраженные цветом и ритмом со сбивающимся ритмом и невнятной мелодией.

О, мой Бог! Да Германия ли это? Да Грузия ли? И все же, все же...

Сельская идиллия, оборачивающаяся на наших глазах каторгой... Утонченная месть города за серую суматошную тягу к земному довольству и суетную самовлюбленность... Внезапные – как кусочки красного ядерного перца в салате – вспышки любострастия... И потусторонний голос, комментирующий уличных женщин с картин Кухалашвили: «Саламандры – худшие из созданий, служащих дьяволу, чтобы заманивать к гибели людей, распаяя их страстью...»

Голос из мира, параллельного миру Кухалашвили, соприкасающегося с ним незримым простенком, - из мира Эрнста Теодора Амадея Гофмана.

Когда-то у Гофмана спрашивали: где нашел он в своей будничной Германии многообразные колдовские фантомы? И писатель мрачно отвечал: «Они нашли меня сами, а вы – просто слепы».

Бесполезно спорить, какое видение мира верно. Все художники субъективны. И каждый имеет право отождествлять родину с самим собою. Ведь и французский Король-Солнце Людовик XIV отнюдь не первым заявил: «Государство – это я!» А ведь любой подлинный художник в своем творчестве – самодержец.

Если многими живописцами Тбилиси показан как город простой и безмятежный, то Джемал Кухалашвили представляет нашу столицу исполненной искушений и тайн. В таком месте мы могли бы встретить и Крошку Цахеса, по прозвищу Циннобер, и Песочного человека,

сеющего безумие – и нисколько не удивиться.

Дети на картинах Кухалашвили таращат глазки в трепетном ожидании неведомой опасности. Часы времени злобно стучат над головами угасающих старух. А люди средних лет предаются либо изнуряющему повседневному труду, либо не менее изнуряющей похотливой праздности.

Даже в обобщенных образах «Семьи», представленной в ряде работ Джемала, выражение лиц родителей – утомленное, а детей – растерянное. Сам же художник на автопортретах является в образе умудренного жизнью скептика, предвидящего недоброе чуждое и считающего маловероятным счастливым концом яви или сказки.

Так откуда же у Кухалашвили берутся жизненные силы?

Возможно, разгадка заключена в образе «Матери»? Все изображенное на полотнах Кухалашвили ненадежно и небожественно. Летят вдаль колеса деревянных и железных «коней», убегают пустынные дороги и подходы к ним порастают сорняками, а живые изнеможенные люди остаются сниматься в кино о нереальной жизни. Дубль за дублем, одно и то же, в зачарованном месте, где тесно и душно в толпе, но выбраться из нее не позволяет страх одиночества...

Мимолетные наслаждения – любованье девушкой на пляже и требовательным личиком младенца или мечты о недостижимой красоте, - вытесняются из памяти несущими боль фактами: зверским уничтожением животных, безразличием людей к счастью ближнего, их эгоцентризмом, и их же метаниями посреди условного восточного базара жизни, где выбор мелочей – огромен, а сосредоточиться на поиске главного в толчее и шуме – почти невозможно.

Почти невозможно сосредоточиться и найти духовный якорь в одурающей миллионами образов, переполняющей пространство толпе.

И только мысль о родной матери – о простой хозяйке, может, и не вникающей особо в терзания своего чада, – есть ли у труженицы время даже заподозрить, что мир полон искушений? – но оберегающей своего ребенка обыкновенной молитвой, выраженной не словами, а за приготовлением пищи, стиркой белья, созданием домашнего уюта – мысль художника о том, что как бы не был странен и противоречив мир, мать останется неизменной и полностью понятной, дает живописцу силы надеяться на то, что реальность кажется ему тусклее и неблагоприятнее, чем есть на самом деле.

Четверо детей Джемала Кухалашвили подкрепляют эту надежду. Они выросли, созерцая полную печали и смятения фантазмагорию отца – Гофмана грузинских дворов. Но живут и творят, каждый – согласно своему собственному мироощущению – иному, не созвучному отцовскому.

А значит, и зрители не рискуют навсегда раствориться в дымке фантазий Кухалашвили.

Мы сможем уйти от этих фантазий также, как уходим от недетской «Сказки» Владимира Набокова – с терпким осадком на душе...

«Скажите, какая это улица, - я заблудился.

- Улица Гофмана, - сухо ответил шофер», - повторяю я набоковские строки, идя к выходу из картинной галереи.

Привычный и уютный район Соллаки радует глаз – так приятно видеть обыкновенный мир, несхожий с колдовским миром выдумщика Джемала!

Вот только...

Почему женщина, продающая ковры, похожа на чародейку с картины «Ночные гости»? И отчего в ее глазах таятся те же бездны?

Работы Джемала Кухалашвили

Катя ЦИБЕР

ИПОСТАСИ ФЕНОМЕНА

Как известно, слово феномен имеет два значения: исключительное, выдающееся; наделенная этими качествами человеческая личность.

Значения в равной степени относятся к личности и творческой деятельности Демико Лоладзе – человека разносторонних общественных и культурных интересов, журналиста и фотолетописца, а с недавних пор и талантливого художника.

Д.Лоладзе имеет законченное высшее юридическое и филологическое, а также среднее музыкальное образование. Он член Союза писателей, Союза журналистов и Союза художников Грузии, лауреат премии имени Давида Агмашенебели и Нико Николадзе, ему присвоены звания заслуженного деятеля физической культуры и спорта, заслуженного учителя Грузии, он награжден орденом Чести, медалями имени И.Джавахишвили, Г.Николадзе и Я.Гогешаши.

Демико – автор свыше сорока книг и фотоальбомов, представляющих впечатляющую панораму современной общественной, культурной и спортивной жизни Грузии. В его книге «Время и люди» (Тбилиси, 2006) представлены портреты выдающихся деятелей нашего времени, сыгравших огромную роль в развитии грузинской науки, литературы, искусства, спорта. Наряду с ними встречаем имена и тех замечательных людей, которые «наш свет своим сопутствием для нас животворили», достойнейших личностей, украшавших и украшающих жизнь грузинского общества. Поистине, это обширное публицистическое фотополотно, в котором наряду с богатейшей персоналией, значительное место занимают исторические (порой драматические) реалии жизни нашего народа за истекшие десятилетия.

Демико Лоладзе со своей первой работой

Д.Лоладзе, можно сказать, воздвиг нерукотворный памятник нашим замечательным футболистам недавнего прошлого, посвятив им множество отличных, очень содержательных книг. Собран богатый материал, который окажет и уже оказывает неоценимую услугу историкам грузинского спорта.

Кстати, Демико запечатлел незабываемую победу тбилисского «Динамо» в розыгрыше европейского Кубка обладателей кубков, в финальном матче в Дюссельдорфе 13 мая 1981 года. По его инициативе тбилисскому стадиону «Локомотив» присвоено имя великого футболиста Михаила Месхи.

А теперь о сравнительно новой для Д.Лоладзе «ипостаси» художника, давшей за короткий срок обильные всходы.

- Я рисованию профессионально никогда не обучался, - рассказывает Лоладзе, - но систематически посещал музеи, знакомился с шедеврами мирового изобразительного искусства. Собрал внушительную коллекцию каталогов, выходявших у нас и за рубежом. У меня много друзей художников, не раз наблюдал за их работой. За последние годы настолько увлекся рисованием, что оно стало неотъемлемой частью моей жизни. В основном, работаю гуашью. Мои советчики – замечательный художник Заал Сулакаури и моя супруга Лариса. Охотно дарю свои рисунки друзьям и родственникам.

На сегодня Д.Лоладзе принадлежит авторство более пятиста рисунков, около 400 обрели своих новых владельцев, заслужили лестные отзывы авторитетных художников. В будущем собирается издать каталог своих работ и устроить выставку.

Главная тема рисунков – старотбилисские мотивы, но в его работах находится место и для абстрактных композиций, различного рода арабесок, решенных в импрессионистской манере. Они радуют глаз богатством и разнообразием красок, самобытностью творческого почерка.

Гулбат ТОРАДЗЕ

Фото Александра Сваицкова

Остановка КОНКА

Равиль Бухараев

ВЕЧНОСТЬ ЕГО ПОВЕЛА

Сегодня утром на моих руках в нашем лондонском доме от сердечного приступа скончался мой муж Равиль Бухараев. Две бригады скорой помощи не смогли его реанимировать. Выполняя его волю я делаю все, чтобы похороны состоялись на его родине в Казани.

Не верю. Не верю. Не верю. Он просто вышел в САД.

Молитесь, кто может!

Лидия Григорьева
24.01.2012

Я считаю, что признак зрелости – когда человек больше слушает, чем говорит. Обретение покоя – это не обязательно бездействие. На океане бывает штиль, но внутри есть течения, которые меняют мир. Для этого необязательно бурлить сверху. И поэтому я последние годы, десятилетия гораздо больше слушаю. Поэт – в моем представлении – это инструмент Бога. Чем меньше в нем «я», тем он более счастливый человек. Он должен быть постоянно настроен и никогда – празден. И величайшее счастье, когда скажешь сам и удивишься самому себе, тому, какую верную ноту ты взял...

Равиль Бухараев
(из интервью журналу «Русский клуб», №9, 2011)

Александр Радашкевич

НА СМЕРТЬ РАВИЛЯ

Ты был со мною в Лондоне спесивом и в Люксембургском вычурном саду, в седой Сибири, глазу неохватной, где нам в глаза дышал живой Байкал, ты ел улиток в ветреном Париже; как снежный лотос на пенном гребне черноморском, в Киммерии, в Колхиде, твоя качалась голова: меня ты много дальше заплывал. Мы гладили святую ежевику у мцхетской келии Нино и охали в пещерах Прометея, в Баварии приглядной читали мы бездомные стихи и плакали по Толе Кобенкову в своих отчаянных углах. Но дверца в ахнувшей груди вдруг растворилась нараспашку, и в изумрудном парадизе проглянул белый минарет. «Земные праздники» – ты к ним недописал обещанного жизни послесловья, мой поздний друг, мой древний брат, присно и ныне неотторжимый ни в Лондоне твоим озябшем, ни в Люксембургском выцветшем саду.
24.01.2012. Париж

Дорогая Лидия!

С горечью и болью восприняли трагическую весть о кончине нашего друга, сердечно любимого нами Равиля.

Это огромная потеря для близких, непоправимая утрата для культуры.

Мы вспоминаем ваш приезд на фестиваль поэзии в Грузию как выпавшие нам счастье общения, радость дружбы. Как страшно думать, что это были для нас последние встречи с Равилем.

Скорбим.

Будем помнить и любить всегда.

Искренне Ваши

Николай Свентицкий и все русскоклубовцы

🕒 23:00

🕒 7:00

Мир без преград

ВТБ сегодня – это более 30 компаний в 20 странах мира. Когда мы действуем вместе, расстояния и время – больше не преграда. Объединяя усилия, мы открываем новые возможности.

 ВТБ

8 (800) 200-77-99, www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ, ВТБ 24 (ЗАО), ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад», ОАО ВТБ Банк, ЗАО Банк ВТБ (Беларусь), ЗАО «Банк ВТБ (Армения)», JSC "VTB Bank (Georgia)", ДО АО Банк ВТБ (Казахстан), ОАО Банк ВТБ (Азербайджан), Banco VTB Africa SA, VTB Bank (Austria) AG, VTB Bank (Deutschland) AG, VTB Bank (France) SA., ЗАО «ВТБ Капитал», VTB Capital plc., VTB Europe Strategic Investments Ltd., VTB Capital Markets Limited, ООО «Холдинг ВТБ Капитал Ай Би», ЗАО «Холдинг ВТБ Капитал», ООО СК «ВТБ Страхование», ООО ВТБ Факторинг, НПФ ВТБ Пенсионный фонд, ЗАО ВТБ Долговой центр, ЗАО «ВТБ-Девелопмент», ЗАО «ОДК», VTB Capital (Namibia) (Pty) Ltd., ЗАО «ВТБ Управление активами», ОАО «ВТБ-Лизинг», VTB Leasing (Europe) Ltd., VTB-Leasing Capital Ltd., ООО «ВТБ-Лизинг Финанс»

1512-2972